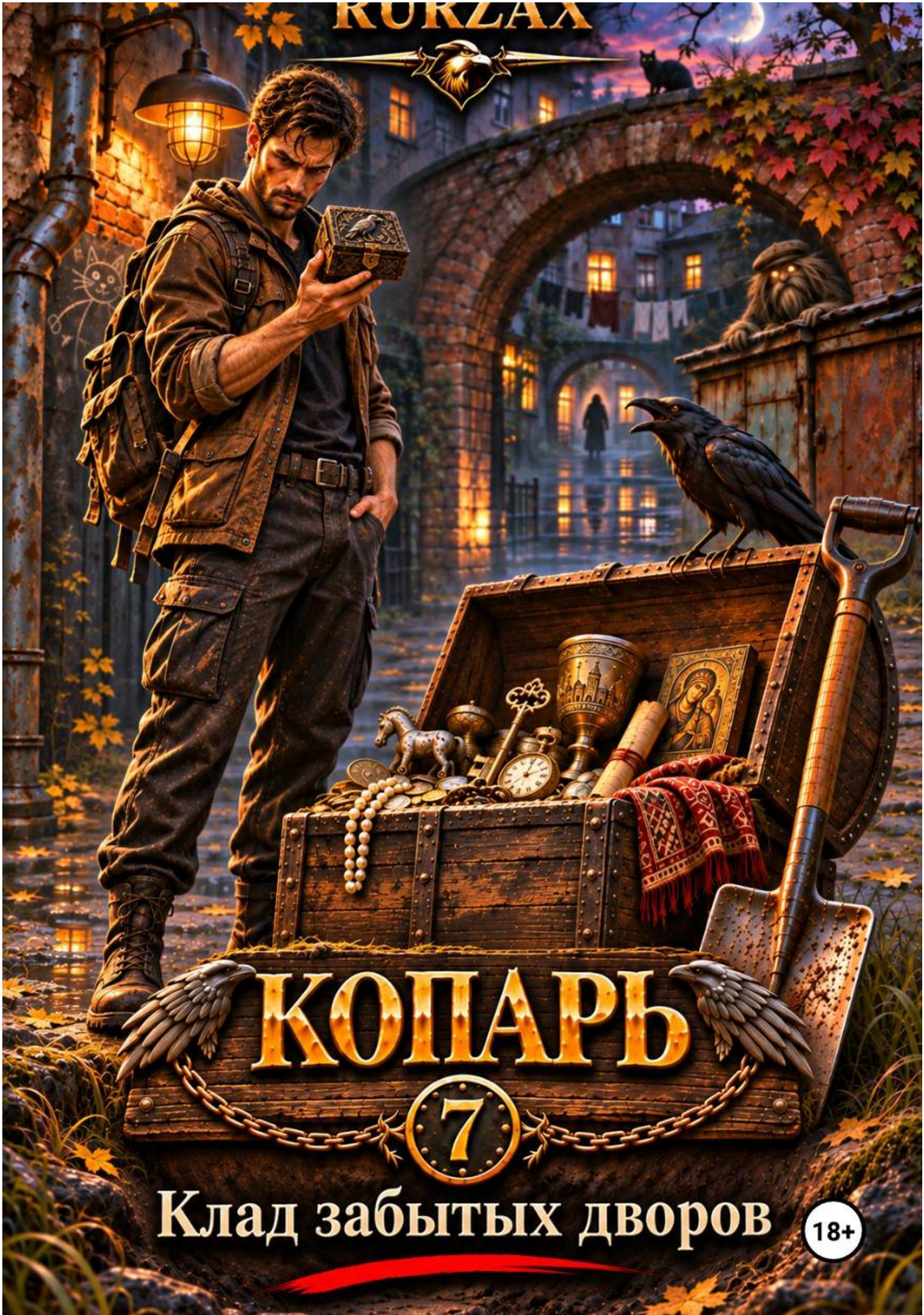
RURZAX



КОПАРЬ

7

Клад забытых дворов

18+

RURZAX

Клад забытых дворов

«Автор»
2026

RURZAX

Клад забытых дворов / RURZAX — «Автор», 2026

Кто сказал, что за сокровищами нужно отправляться в дремучий лес или заброшенное подземелье? Иногда клад находится прямо под ногами — во дворе кофейни, ателье, склада или ресторана.Артём Горин собирался спокойно работать, зарабатывать деньги и проводить свободные вечера с Мариной. Но у судьбы, как обычно, оказались другие планы.Кикимора срывает примерки свадебных платьев, огневик превращает поиски серебра в борьбу за выживание, Лихо Одноглазое наводит переполох в ресторане, а сварливые дворовые ревностно охраняют свои владения.Вдобавок предприимчивый Максим Ратников решил прибрать к рукам чужие сокровища и готов ради наживы на всё.Горину предстоят четыре опасных поиска, магические ловушки, жестокие драки и бешеные погони. А загадочная коробочка с изображением чёрного ворона напоминает, что старые неприятности ещё далеко не закончились.Главное — остаться в живых, вернуть владельцам их сокровища и не забыть, что завтра обещал Марине сходить в кино.

© RURZAX, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Синий шарф 5
Глава 2. Чужой порядок 11
Глава 3. Часы без времени 18
Глава 4. Вежливый грабитель 24
Глава 5. Серебро в стойке 30
Глава 6. Выход на свет 37
Глава 7. Первый расчёт 44
Глава 8. Ворота ателье 51
Глава 9. Слишком дорогая сирень 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

RURZAX
Клад забытых дворов

Глава 1. Синий шарф

Наутро после свидания я проснулся от звонка начальника. Телефон лежал на тумбочке экраном вниз, и сначала я решил, что Семён опять проверяет, насколько крепко спит хозяин. Домовой мог устроить подобную проверку без всякой магии: достаточно было уронить ложку на плитку или вспомнить, что в холодильнике закончилась сметана.

— Горин, ты где? — поинтересовался начальник.

— Дома. Сейчас семь двадцать.

— Внедорожник вчерашний помнишь? Клиент уже сидит у ворот. Записан на восемь, требует открыть бокс немедленно.

— Передайте ему, что ворота не растут быстрее от громкого голоса. В восемь буду.

— Он говорит, у него очень важный день.

— У меня тоже. Рабочий.

Я положил трубку и несколько секунд смотрел в потолок. Вчера вечером мы с Мариной дошли до моей квартиры, пили чай и ели яблочный пирог. Семён пытался доказать, что большая доля сама выпала ему при разрезании. Марина уехала поздно, обещав позвонить после своих дел. Я проводил её до машины и вернулся домой с редким ощущением, что ничего никому не должен до следующего утра.

За окном сердито гудел мусоровоз. На кухне шуршало полотенце.

— Если ещё раз пропустишь завтрак, — объявил Семён, — не жалуйся, что люди принимают тебя за ходячее недоразумение.

Он стоял у хлебницы в своём парадном жилете. Яичница шипела на тарелке. Когда я потянулся к солонке, Семён придержал её обеими руками и потребовал сначала назвать диагноз. Оказалось, вчера я назвал его стряпню бессолевой. Пришлось извиниться перед поваром и только потом посолить завтрак.

— Говорят, на свете бывают мужчины, которых дома кормят молча.

— Вот туда и переезжай. Только предупреди заранее, я чайник себе оставлю.

Я поел, поблагодарил его и вышел без обычного бегства за кошельком, ключами и очередной странной вещью. В кармане лежал телефон, на пальце — перстень. Оба сегодня вели себя прилично.

У ворот мастерской внедорожник занял место, предназначенное для въезжающих машин. Водитель в дорогой куртке стоял возле капота и объяснял сторожу, что заплатил за срочность. Сторож возражал, что деньги нельзя просунуть в замок вместо ключа. Разговор зашёл в тупик по естественным причинам.

— Вы Горин? — водитель развернулся ко мне.

— Пока не переименовали.

— Я вчера готов был приехать вечером. А мне сказали утром. Теперь мне надо быстро.

— Вчера у меня были свои планы. Сегодня машина ваша. Загоняйте.

Он хотел добавить что-то о размере счёта, но мотор завёлся с таким кашлем, что спор пришлось отложить. Полчаса спустя мы уже знали, в чём причина поломки. К обеду внедорожник перестал глохнуть на холостом ходу, хозяин перестал грозить потерянными знакомствами, а я поймал себя на мысли, что люблю работу, в которой неисправность можно показать пальцем, а не угадывать по чужим недомолвкам.

Напарник Женя принёс из соседней пекарни булочки. По радио ругались из-за парковки у новой торговой галереи. Я слушал вполуха и машинально обводил большим пальцем обод перстня. Перед глазами снова возникли столик у окна, седой покупатель и парень в синем шарфе.

Знак на крышке маленькой металлической вещи напоминал ворона на запонке Виктора Вельского. Тот же наклон головы, похожее поднятое крыло. Но в кафе я сидел далеко. Не держал коробочку в руках, не видел, открывал ли её молодой человек, и не услышал ни слова из их разговора. Придумывать за них тайный договор можно было хоть до старости. Толку от такого занятия обычно меньше, чем от сломанного домкрата.

— Ты сегодня какой-то задумчивый, — заметил Женя.

— Размышляю, куда пропадает свободное время.

— В нашу бухгалтерию. Я там вчера искал сверхурочные — пусто.

Мы посмеялись. Я вернулся к машине. Ни охоты, ни погони сегодня в моём рабочем расписании не значилось. После смены я собирался заглянуть к Фёдору Ершову. Вчера я выполнил обещание провести вечер с Мариной. А вот намерение когда-нибудь перестать лезть в чужие неприятности оставалось фантастическим романом без даты выхода.

К семи вечера мастерская опустела. Я закрыл последний заказ, вымыл руки и поехал в город. У Фёдора в «Второй полке» ещё светились окна. За витриной стояли подсвечники, часы и фарфоровая собака с такой рожей, словно все посетители задолжали ей по пять тысяч.

Сам Ершов раскладывал на прилавке старые столовые ложки. Невысокая лампа освещала его руки, остальную часть лица оставляя в тени. Он поднял глаза, когда я вошёл.

— Пришёл продавать или жаловаться?

— У меня бывает третья цель.

— Тогда не затягивай. Покупателей она обычно отпугивает.

Я подождал, пока женщина в светлом пальто расплатится за серебряную рамку. Фёдор упаковал покупку, вежливо проводил её взглядом и только после звона дверного колокольчика отложил ложки.

— Ну?

— Вчера видел человека, который хотел купить у Ланского поддельную пластину.

— Седого?

— Его. В кафе на набережной. Он передал молодому парню металлическую штуку, размером со спичечный коробок. На крышке чёрный ворон. Очень похожий на знак запонки Вельского.

Фёдор протёр очки, хотя я ни разу не видел, чтобы это хоть что-нибудь меняло.

— Молодой как выглядел?

— Коротко стриженный. Синий шарф, тёмная куртка. Лица толком не запомнил: сидел боком. Седой ушёл за ним, но отдельно.

— А вещь?

— Убрал в карман. Внутрь я не заглядывал.

— И правильно. У некоторых коробочек содержимое неприятнее покупателя. Хотя эту я не знаю.

— Случайно не слышал, кому теперь нужны вещи с вороном?

— С вороном — нет. А вот старые дворовые часы, ограды и декоративное железо последние дни кому-то очень понадобились. Я за неделю дважды слышал предложения продать вещи, которые вообще не выставлялись на продажу.

— Кто покупает?

— Люди от какой-то подрядной фирмы. Одни называют это обновлением двора, другие предлагают вывезти «ненужное». Владелец кофейни, например, жаловался соседке. Название я не удержал, зато скандал слышал собственными ушами.

— По старому железу сейчас такой спрос?

— По обычному — бывает. По чужому — особенно, если его удастся получить даром. Ты сам знаешь, какой человек первым называет старую вещь мусором.

— Тот, кто уже нашёл ей покупателя.

Фёдор коротко улыбнулся. Мы оба помнили, сколько неприятностей доставляет чужая жадность, когда её поддерживают большие деньги. Я ожидал, что он попытается угадать владельца коробочки, но он вернулся к ложкам.

— Ты ведь не собираешься обыскивать все дворы города из-за рисунка?

— У меня и своих клиентов хватает.

— Рад слышать разумную речь. Запомню день.

Перед уходом я осмотрел витрину с часами. Одни показывали половину третьего, другие стояли без стрелок, третьи снабжались табличкой «Не заводить». Ни один циферблат не указывал, куда пошёл парень в синем шарфе. Зато телефон показал сообщение Марины: «Всё хорошо. Занята до позднего вечера. Не жди звонка раньше десяти». Я ответил, что закончил работу и еду домой. Сразу после этого вышел на оживлённую улицу.

Возле остановки продавали цветы. Из дверей спортклуба высыпала шумная компания. Через дорогу работала кофейня, которую я раньше замечал лишь из машины: «Листва» занимала первый этаж старого трёхэтажного дома, а за аркой располагался её огороженный внутренний двор. Фонари освещали мокрую брусчатку. Короткая цепь на воротах не давала одной из створок распахнуться. Над аркой светилась лампа, а у входа курьер проверял заказ по телефону.

Я хотел пройти мимо. В этот момент из арки вышел молодой человек в синем шарфе.

Он придержал дверь перед женщиной с двумя стаканами, постоял возле тротуара, словно проверяя, нет ли знакомой машины, и вернулся во двор. Я видел его теперь достаточно близко: короткая стрижка, узкий нос, тёмные брови. Вчерашний посетитель кафе. Узнать шарф оказалось проще, чем лицо, зато лицо совпало с тем, что я запомнил по его повороту к седому покупателю.

Внутри двора стояли большие чугунные часы на декоративной опоре. Их круглый циферблат глядел в сторону столиков. Вторая сторона открывалась к узкой полоске клумб, отделявшей площадку от кирпичной стены. Стрелки замерли на безобидном времени, давно утратившем связь с жизнью кофейни.

Парень обошёл часы. Присел, провёл пальцами по нижнему краю стойки. Что-то блеснуло у него в руке. Он быстро спрятал предмет под куртку. Я успел увидеть угол металлической крышки и чёрное крыло птицы. На секунду он оглянулся к арке.

Я стоял у витрины с рекламой горячего шоколада. Повернулся к ней и прочёл предложение добавить сироп бесплатно. Когда снова взглянул во двор, парень уже шёл к дальним столикам. На выходе из арки он едва не столкнулся с доставщиком еды, выругался и исчез среди пешеходов.

Погнаться за ним можно было легко. Ещё легче — нарваться на разговор, в котором меня назовут сумасшедшим, а коробочку спрячут окончательно. К тому же меня зацепила вещь, возле которой он крутился. У часов на уровне колена виднелся светлый скол краски. Ниже была узкая тёмная полоска: будто кто-то недавно поддел край основания твёрдым предметом. Вчера вечером подобного я не замечал просто потому, что никогда здесь не бывал.

За стеклом кофейни сотрудница в фартуке собирала посуду. За ближайшим столиком сидела женщина с деловым блокнотом, перед ней остывал чай. Двор жил обычной жизнью, и у старого чугуна имелся законный хозяин. Делать вид, что всё найденное мной автоматически моё, я отучился дорого.

Вошёл через открытую дверь, заказал эспрессо и спросил, можно ли поговорить с владельцем. Девушка за стойкой подняла бровь.

— Если насчёт музыки, её уже убавили.

— Насчёт часов во дворе.

— Они вам мешают?

— Наоборот. Меня беспокоит, что кто-то пытается им помочь исчезнуть.

Она посмотрела на часы через окно, а затем позвала женщину с блокнотом:

— Ольга Сергеевна, тут к вам по поводу железных часов.

Женщина подошла без спешки. Лет сорок с небольшим, короткие каштановые волосы, усталое лицо человека, у которого сначала исчезает поставщик молока, потом ломается кофемашина, а следом приходит кто-нибудь с инициативой благоустройства.

— Ольга Крестова. Что случилось?

Я представился. Рассказал, что видел незнакомца, который осматривал основание. О металлической коробочке с вороном тоже сказал, но без выводов о Вельском. Она выслушала, поглядывая в сторону кухни, откуда кто-то настойчиво звал её по имени.

— Он ничего не забрал? — спросила Ольга.

— При мне — нет. Снизу свежий скол. Его я хочу рассмотреть.

— Сегодня второй человек интересуется этими часами. Первый утром предложил их вывезти. Сказал, украшение устарело и мешает посетителям. Часы стоят у моей семьи давно, пусть даже больше не ходят.

— Предлагал купить?

— По его словам, он оказывал мне услугу. Избавлял от хлама. Любезность за чужой счёт нынче в моде.

За окнами девочка пыталась сфотографировать возле часов огромного плюшевого зайца. Мать просила её не пятиться в клумбу. Ольга метнулась к двери, попросила их отойти от ограждения и вернулась. Она защищала свой двор куда решительнее, чем большинство людей — банковский счёт.

— У вас есть минут пять? — спросил я. — Посмотреть низ стойки. Ничего откручивать или вскрывать не стану.

— В моём присутствии. И без вашего инструмента сегодня. Сначала хочу понять, о чём речь.

— Договорились.

Мы вышли через боковую дверь во двор. Я не касался часов, пока Ольга не кивнула. Подошвы скрипнули на мокром камне. От соседнего столика пахло корицей, молодой бариста ругался с разбрызгивающей воду лейкой, а над всем этим висел неподвижный циферблат.

Вблизи скол выглядел свежим. Чёрная краска отлетела лоскутом, на металле остались две параллельные царапины. Кто-то пробовал просунуть под основание что-то узкое. Для чего человеку с коробочкой эти часы? И зачем понадобилась сама железная опора, которую Ольга отказалась вывозить?

— Сами не ударяли её? — спросил я.

— Мебель здесь двигают каждый день, но часов никто не трогает. Старые. Тяжёлые. Отец ещё поставил.

— Могу завтра прийти днём и осмотреть получше. С вами.

— Завтра поговорим. Мне необходимо сначала решить, что вообще разрешать.

Она сказала это спокойно, и я оценил ответ.

У арки звякнула цепь.

Первый раз — тихо, как от сквозняка. Второй — так резко, что курьер, выходивший на улицу, подпрыгнул и выронил чек. Он отряхнул бумажку и сердито оглянулся. Под фонарём никого не было. За часами, у тёмной полосы клумбы, кто-то недовольно фыркнул.

Я повернул голову. Между двумя кустами стоял невысокий сухощавый старик с лохматыми волосами и глазами цвета старой меди. На нём была тёмная куртка, будто сшитая из

разных найденных лоскутов. Посетители кофейни продолжали обсуждать десерты; судя по их лицам, старика они не замечали.

— Ещё одного железо прельстило, — буркнул он, глядя прямо на меня. — Ходят, нюхают. Как собаки перед дракой.

Я почти ответил, но Ольга уже шла к звонящему телефону. Старик провёл грязным ногтем по собственной ладони и исчез за кустом самым обыкновенным шагом. Дворовой. По его недовольному виду, ему было совершенно всё равно, на чьей стороне я собираюсь оказаться.

Я догнал хозяйку возле двери.

— Простите, у вас тут ночью кто-нибудь остаётся?

— Сотрудники заканчивают ближе к одиннадцати. Потом ворота закрываются. Зачем?

— Если придут за часами, не выпускайте их без вашего решения.

— С такой просьбой я справлюсь сама, — сказала она, но взгляд у неё стал внимательнее. — Вы правда думаете, что их попытаются увезти?

— Думаю, кто-то уже начал проверять, как это сделать.

Кофе я допил у стойки. На экране телефона появились новые рабочие сообщения, и я успел ответить на два. Можно было уйти, но у выхода я заметил белый фургон, который дважды медленно проехал мимо арки. Водитель не парковался, только смотрел на ворота. На третьем круге машина исчезла за поворотом.

Я вернулся к Ольге. Она закрывала блокнот.

— Похоже, вам сегодня придётся проверить ещё одну неприятную инициативу, — сказал я.

— Я уже видела фургон. И попросила сотрудников не выходить поодиночке. У нас есть задний выход к освещённой улице. Кофейню я закрываю сама.

Ни паники, ни просьбы взять на себя командование. Мне понравилась её привычка действовать раньше, чем кто-нибудь предложит защиту за солидную плату.

К одиннадцати последний посетитель забрал пакет с выпечкой. Девушка за стойкой выключила часть света. Ольга вышла во двор проверить столики, а я задержался возле арки, собираясь идти домой. С улицы доносились шины проезжающих машин и смех компании у остановки. Город не собирался замирать ради наших подозрений.

Грузовик появился медленно, с ближним светом фар. Обычный бортовой, без названия фирмы на дверцах. Встал поперёк въезда. Из кабины вышли двое: водитель в серой кепке и широкоплечий мужчина в рабочей куртке.

— Кафе закрыто, — сказал я с внутренней стороны ворот.

— Мы по адресу, — ответил широкоплечий. — За старым железом.

— Здесь никто не заказывал вывоз.

— Разберёмся с хозяйкой. Пропусти.

Он потянул створку. Та дёрнулась на ладонь и остановилась. Цепь, которая до этого свободно провисала вдоль решётки, вытянулась в тугую струну. Металл коротко и зло зазвенел. Мужчина отдёрнул пальцы.

— Что за чёрт?

Со стороны клумбы поднялась пыль, хотя земля ещё блестела после дождя. Серый плотный язык закрутился вдоль внутренней стороны стены и взметнулся к лицу широкоплечего, который заглянул в щель между створками. За воротами, на тротуаре, воздух оставался чистым. Я едва успел прикрыть глаза рукавом. Что-то острое оцарапало мне щёку — мелкая крупинка старой штукатурки.

— Сволочь, — прошипел знакомый голос из-за часов. — Моё железо. Мой проход. Вон отсюда.

Широкоплечий засмеялся коротко и нервно, приняв слова за мою угрозу.

— Ты за сторожа тут, что ли? Машину подгоним, сами всё возьмём.

— При хозяйке можете попробовать попросить, — ответил я. — Только заранее продумайте, что скажете про сколотую краску.

Из кофейни вышла Ольга. В руке у неё был телефон с горящим экраном. Она встала рядом со мной, не прячась за спину.

— Я никого не приглашала. Уезжайте.

— Завтра хозяин позвонит, — буркнул водитель. — Нам сказали забрать.

— Пусть звонит мне лично. Вещь моя.

Она говорила спокойно, однако широкоплечий сделал шаг к арке. Цепь снова напряглась. Он сунул голову в проём ворот, пыль рванулась ему в лицо, и он, пятясь, налетел плечом на кабину. Водитель выругался и потянул его за рукав. Они не видели того, кто стоял теперь у часов. Я видел: дворовой расправил плечи, мелко дрожал от злости и сжимал кулаки. Ещё один сильный порыв мог ударить по Ольге или по мне — он уже дал понять, что выбирает цели по собственному усмотрению.

— Хватит, — сказал я тихо, обращаясь к клумбе. — Они за воротами.

— А ты внутри, — огрызнулся старик. — И тоже глаз положил.

Спорить не стал. Сделал шаг к выходу, чтобы освободить проход. Пыль сразу осела вдоль стены. Цепь провисла, как и прежде. Мужчины переглянулись. Широкоплечий провёл ладонью по лицу, увидел грязь и поспешил обратно в кабину.

Грузовик развернулся у соседнего перекрёстка, дождался свободной полосы и уехал. Номера я рассмотрел плохо, зато запомнил широкую белую царапину на правом борту. За аркой снова слышались обычные звуки: шум холодильника, скрип табурета и поздний автобус на улице.

— Что это было с цепью? — спросила Ольга.

— У вас очень характерный двор.

— Это я давно знаю. При чём здесь грузовик?

— Кто-то хочет увезти часы, хотя вы против. Сегодня не получилось. Завтра он может прийти днём и с красивыми объяснениями.

Она посмотрела на царапины у основания, потом на арку.

— Значит, завтра и поговорим. Сначала я, потом вы. Пока никаких поисков без меня.

— Так и договорились.

У часов старик снова показался из-за куста. Он презрительно сплюнул в пыль, взглянул на меня и ткнул пальцем в сторону улицы.

— Михей, — проворчал он. — Запомни. И не вздумай считать меня своим работником.

Я кивнул. Ответить стоило бы, но Ольга находилась рядом и смотрела на пустую клумбу. Мне хватало неловких разговоров с людьми, которым невидимый собеседник недоступен.

На улице я достал телефон. Было поздно. От Марины пришло короткое: «Освободилась. Как твой день?» Я набрал: «Работу закончил. По дороге встретил любителя чужого железа. Завтра расскажу». Ответ почти сразу: «Только сначала выспись».

Я убрал телефон и посмотрел на тёмные окна кофейни. Человек с синим шарфом мог подыскивать для коробочки нового владельца. Мог выполнять поручение седого покупателя. Мог оказаться любителем старых часов. Ничего этого я пока не знал. Зато видел свежие следы на чужом имуществе и грузовик, приехавший за ним без согласия хозяйки.

Завтра обычная смена и осмотр часов, к которым кто-то проявлял нездоровую нежность. Я повернул к машине. За спиной звякнула цепь, и из двора донеслось сердитое:

— И ноги вытри, копарь!

На тротуаре к подошвам налипла мокрая земля. Я счистил её о бордюр: Михею и без моих следов хватало поводов сердиться на посетителей.

Глава 2. Чужой порядок

Вчерашний окрик Михея добрался до моей кухни раньше завтрака. Для этого дворовому даже не потребовалась магия. Стоило вспомнить, как он кричал мне вслед про грязные ботинки, и желание снова заходить в «Листву» становилось гораздо скромнее. Особенно если учесть, что вчера я явился туда за кофе, а получил грузовик с незваными грузчиками и знакомство с существом, которое считало собственностью даже воздух у калитки.

На кухне Семён отодвинул от меня солонку.

— Кто ночью скребётся возле двери, тот утром будет есть без излишеств.

— Я не скрёбся. Ключ у меня есть.

— Тогда зачем топтался на коврике? Половицы всё передали.

— Разговаривал по телефону.

— В следующий раз разговаривай с телефоном на улице. Он хотя бы не отвечает тебе такой мерзкой интонацией.

На экране ещё висело вчерашнее пожелание Марины выспаться. Ответить ей поздно ночью я не рискнул, а утром написал, что послушался. Это было почти правдой: уснул сразу, только будильник сработал беспощадно.

Едва я вышел из подъезда, зазвонила Ольга Крестова. Голос у неё был деловой, ровный. Таким голосом люди сообщают, что поставка молока задерживается, а не о ночном визите неизвестных.

— Артём, добрый день. Вы предупреждали, что за часами ещё придут. Ваши предсказания начали надоедать.

— Значит, я начинаю разбираться в людях. Это тревожный признак. Что случилось?

— Позвонил тот, кто утром предлагал вывоз. Максим Ратников. Сказал, что мои работники неправильно поняли вчерашнюю ситуацию.

— Работники ещё и грузовик заказали по ошибке?

— По его версии, да. Он назвал это путаницей в графике благоустройства. Предлагал снять часы и увезти за символическую плату. С меня, разумеется.

— И сколько стоит избавиться от собственности, которая ему так мешает?

— Мне хватило самого предложения. Я отказала. Во дворе утром стоят столики, клиенты уже пришли. Открыла площадку как обычно. Прятаться из-за какого-то подрядчика не собираюсь.

Я представил мокрую брусчатку, чугунный циферблат и Михея, который должен был бы радоваться последнему решению. Правда, дворовые с человеческой логикой не дружили даже по большим праздникам.

— Вчерашние двое вернулись?

— Нет. Зато рядом с аркой крутился мужчина в серой куртке. Стоит у газетного киоска, ничего не покупает. Может, ждёт автобус. Я не собираюсь обвинять каждого прохожего.

— Правильно. Я после смены заеду, если вы ещё не передумали насчёт осмотра.

— Приезжайте. Только сначала поговорим. И, Артём, у меня двор кофейни, а не площадка для выяснения отношений. Посетителей пугать не разрешаю никому. Вам в том числе.

Она отключилась раньше, чем я придумал достойный ответ. Неудивительно, что часы простояли у неё так долго. Женщина явно умела разговаривать с людьми, которые привыкли, что последнее слово покупается вместе с кабинетом.

Днём я занимался тем, за что мне действительно платили. В мастерскую пригнали две машины с мелкими неприятностями и одну с неприятностью дорогой. Женя весь обед убеждал владельца последней, что громкая музыка не заменяет исправного двигателя. Я работал, отвечал клиентам, не опаздывал к воротам и ни разу не предложил послать к Ратникову бри-

гаду из наших самых недовольных автомобилистов. У меня появлялись признаки гражданской зрелости. Пожалуй, стоило обратиться к врачу.

Марина позвонила в обеденный перерыв. На заднем плане у неё шумела улица.

— Ты сегодня где?

— Там, где обещал. В мастерской. А вечером зайду посмотреть одни старые часы.

— Посмотреть или вытащить их из очередной драки?

— Пока только посмотреть. Хозяйка сама решает, что делать.

— Хорошая хозяйка, — сказала Марина. — Мне бы с ней познакомиться.

— Тебе уже хочется проверить, сможет ли она командовать мною без заклинаний?

— Это я и так знаю. Позвони потом. У меня своя встреча, телефон могу не взять.

Она попрощалась, и я убрал телефон. С тех пор как мы стали чаще говорить вслух о том, чего каждый хочет, у меня появилось странное преимущество: не нужно было догадываться за двоих. Жаль, с нежитью такой способ срабатывал через раз.

К «Листве» я подъехал после семи. Город ещё не собирался спать. У соседнего цветочного павильона спорили из-за букета, курьеры лавировали между прохожими, от остановки тянулся терпеливый ряд людей. Газетный киоск, о котором говорила Ольга, работал. Мужчины в серой куртке рядом не было. Зато на другом конце улицы парковался тёмный автомобиль с наглухо затонированными задними стёклами. Я не стал записывать его в сообщники кому попало. В Кобрине хватало людей, любивших прятаться от света без участия вампиров.

В кофейне пахло свежим хлебом и кофе. Молодой бариста узнал меня.

— По часам? Хозяйка во дворе. Только у нас сегодня без бесплатных представлений.

— Я билет вчера не брал. Должны пустить по старому.

— Тогда с вас двойная цена. Предыдущий спектакль сорвал нам уборку.

Я взял обычный чёрный кофе, чтобы не выглядеть человеком, которому приятно приходить сюда исключительно во время скандалов. Через боковую дверь вышел к столикам. Вчерашняя мокрая брусчатка высохла. Под светящимися зонтами сидели посетители; у стены девушка снимала для телефона чашку латте с таким выражением лица, словно собиралась вручить ей государственную награду. Часы стояли на прежнем месте, стрелки за ночь не сдвинулись.

Ольга появилась из кухни с корзиной салфеток. Увидев меня, она передала корзину сотруднице и подошла к часам.

— Я обещала показать вам основание. Смотрите. Но ни одной царапины сверх вчерашних.

— Условие принимаю.

Она встала рядом, чтобы видеть мои руки. Я присел у чугунной стойки. Издалека всё казалось обычным: толстая опора, краска с небольшими вздутиями, квадратный низ у самой земли. Вблизи стали видны мелочи. С одной стороны подпятник был стёрт почти до голого металла; противоположный край сохранил тёмный старый слой. При этом часы стояли ровно. Ни привычного перекоса, ни следа, будто тяжесть годами давила на один угол.

Я провёл пальцем по гладкому выступу. На подушечке осталась тёмная пыль.

— Вы часы когда-нибудь переставляли?

— Отец однажды велел их немного сдвинуть, когда расширяли проход к столикам. Это было давно. Потом основание подкрашивали. Я ещё помню, как он ругался: работа заняла больше времени, чем обещали.

— А кто-то после него менял стойку?

— Не знаю. Почему спрашиваете?

Я показал ей край. Она наклонилась, прищурилась.

— Здесь всегда было так?

— Не ручаюсь. Но часы никогда не кренились. Заметила бы: рядом стоят гости, фотографируются. Не хватало ещё получить циферблатом по чьему-нибудь дорогому телефону.

— Вот это меня и удивляет. Износ с одной стороны, а стоят ровно. Такое бывает после вмешательства в основание. Возможно, когда-то его выправили, а внутри сделали полость. По одной царапине гадать глупо.

Ольга выпрямилась.

— Вы хотите их разобрать?

— Проверить, пустая ли стойка. Это не одно и то же. Но без вашего согласия ничего открывать не буду.

— Пока согласия нет. И разбивать семейную вещь ради догадки я не позволю.

— Справедливо. Я бы тоже сначала захотел узнать, кто и зачем так цепляется к старому железу.

Из-под клумбы донеслось раздражённое сопение. Я мельком взглянул туда. Михей сидел на низкой ограде, свесив ноги. В дневном свете его лоскутная куртка выглядела ещё более потрёпанной. Он ковырял ногтем щербину в камне и смотрел на меня, словно судья на человека, который явился в зал с заранее написанным оправданием.

— Ишь, умный, — пробормотал он так, чтобы услышал только я. — Всякий железку понюхает, а потом двор хозяином зовётся.

— Что? — переспросила Ольга.

— Сказал, что основание, похоже, трогали до нас.

Это было правдой, пусть и произнесённой не в той последовательности. Ольга отошла к столику, где посетитель звал её из-за счёта, и велела мне пока ничего не касаться. Я встал. Михей спрыгнул с ограды, но ближе не подошёл.

— Не потерял вчера дорогу домой? — спросил я почти беззвучно.

— А ты? Зачем вернулся, если тебе здесь не рады?

— Хозяйка пригласила.

— Хозяйка людей приглашает. С людями потом железо пропадает.

— Ты вчера видел, кто хотел забрать часы.

— Видел. И тебя видел. Взгляды у вас одинаково жадные.

Упрёк был нечестный, хотя объяснить Михею разницу между работой за вознаграждение и кражей чужого имущества можно было лишь большим терпением. А большого терпения у него, судя по лицу, не имелось.

Ольга вернулась и кивнула в сторону арки.

— Вот и наш специалист по порядку.

К воротам подъехала светлая легковая машина. Из неё вышел высокий мужчина в тёмном дорогом плаще, аккуратных кожаных перчатках и с телефоном у уха. Он закончил разговор на ходу. Следом выбрался низкорослый крепкий парень в рабочей куртке. Лицо у парня было вчерашнее: тот самый широкоплечий из грузовика, только ночью он казался внушительнее.

— Максим Ратников, — представился мужчина, едва переступив во двор. — Ольга Сергеевна? Рад, что можем всё обсудить цивилизованно.

— Я уже обсуждала. По телефону.

Ратников одарил её улыбкой человека, который привык слышать возражения из вежливости.

— Я люблю личные встречи. При осмотре места вопросы отпадают сами. Старый декор опасен, некрасив, мешает свободному движению. Мы освобождаем пространство, а вы получаете современную площадку.

— Моя площадка меня устраивает.

— Пока не произошло несчастье.

Он погладил перчаткой край циферблата. Я заметил, как подчинённый заглянул в мою сторону и сразу опустил глаза. Вчерашняя пыль, видимо, оставила о себе хорошие воспоминания.

— Сколько вы просите за часы? — спросил я.

Ратников слегка повернул голову.

— Вы представитель собственника?

— Я человек, который пытается понять ваше предложение.

— Устаревшая вещь не имеет рыночной цены. Мы готовы убрать её за символическую плату, чтобы освободить двор от хлама.

— Плату кому?

— За работу, разумеется.

— То есть хозяйка отдаёт вам своё имущество, а потом ещё благодарит деньгами?

— Я бы не сводил благоустройство к такой примитивной формуле.

— Зато формула честная. Хоть на табличку вешай.

У ближайшего столика мужчина поперхнулся чаем. Ратников не посмотрел в его сторону; улыбка стала тоньше.

— У вас есть лицензия на оценку подобных вещей?

— У меня есть глаза. Для начала хватает.

Ольга положила ладонь на верх спинки свободного стула.

— Господин Ратников, я не продаю часы и не заказываю их вывоз. Ваш грузовик приезжал вчера ночью. Следующий такой визит вы будете объяснять людям, которые здесь работают и живут, а не мне за чашкой кофе.

— Исполнитель ошибся адресом, — сказал он, не моргнув. И повернулся к подчинённому: — Слышал, Глеб? Адресом. Даже такие простые вещи тебе не удаются. За что я плачу людям?

Глеб покраснел под воротником.

— Вы сами назвали ворота. И сказали…

— Я спросил, слышал ли ты. Отвечать длинно не обязательно.

Парень стиснул челюсти. На мгновение мне показалось, что он скажет начальнику всё, что думает. Но тот уже шагнул к часам, словно разговор с хозяйкой был досадным перерывом между распоряжениями.

— Основание повреждено, — объявил Ратников. — Риск налицо. Завтра пришлю рабочих.

— Завтра ничего не пришлёте, — ответила Ольга. — Я отказала.

— Вам нужна безопасность клиентов. Оставить такую вещь — безответственно.

— Мне нужна возможность работать. Вы сейчас стоите у столика, за которым люди собирались пить кофе. Отойдите.

Ратников впервые оглянулся. Девушка с телефоном снимала уже не латте, а происходящее у часов. Посетители за соседними столиками перестали притворяться, будто не слушают. Мужчина отдёрнул руку от циферблата и сделал два шага в сторону. Глеб поспешил следом.

— Я хотел бы ещё раз посмотреть на нижний край, — сказал Ратников. — Тогда поймём, насколько всё серьёзно.

— Достаточно ваших взглядов, — ответила Ольга. — Вы уже осмотрели.

Я заметил, как Михей поднялся на ноги у клумбы. Он смотрел на Глеба, который подошвой сдвинул с дорожки прямо в клумбу случайно попавшийся под ногу камешек. Однако для хозяина двора этого хватило.

Пыль повела себя странно: от клумбы потянулась тонкая полоса, закрутилась у ворот и осела в двух шагах от посетителей. Металлическая цепь тихо звякнула. Глеб вздрогнул, огля-

нулся на арку и машинально отступил к Ратникову. Тот ничего не заметил; продолжал объяснять Ольге, что современный владелец обязан мыслить категориями удобства.

Я решил отойти к выходу, чтобы не мешать разговору. Сделал несколько шагов по краю двора, вдоль кирпичной стены. Перед глазами оказалась знакомая клумба и спинка того самого стула, от которого я только что ушёл. Я остановился. Стена была справа, часы впереди, арка позади. Через мгновение мне показалось, что арка снова впереди, а стену кто-то повернул вместе с дорожкой. Вроде бы тот же двор, только идти стало некуда.

— Михей, — тихо сказал я. — Я сейчас никого не трогаю.

— Не тебя гонял, — донеслось из-под куста. — А ты под ногами путаешься. Вон тот мою землю топчет.

Я опустил взгляд. У кирпичной стены тянулся настоящий шов, а возле ножки столика лежала крышечка от стаканчика. При мороке такие мелочи не исчезают, я это уже знал. Держась за кладку, пересёк двор. Глеб тем временем дважды обошёл один стул, пока Ольга наконец не велела ему перестать кружить вокруг клиента. Михей хихикнул из-под сирени. Я нашёл створку и приоткрыл её, подставив себе под нос холодный уличный воздух.

— Артём? — позвала Ольга. — Вы что ищете?

— Выход. Нашёл.

— Он всё время был здесь.

— Это меня особенно радует.

Она смерила меня быстрым взглядом, но не стала устраивать допрос. Михей нахохлился у клумбы. Вчера он защищал ворота от чужаков. Сегодня у него нашлось дурное настроение и для человека, которому хозяйка разрешила находиться внутри. Ожидать от такого союзника дисциплины было бы опасно.

Глеб тем временем попытался открыть створку шире, чтобы пропустить Ратникова к машине. Цепь дёрнулась, крепко ударила по железу. Парень отскочил, задел локтем пустой поднос у входа и рассыпал по плитке сахарные пакетики. Бариста выскочил из двери, увидел беспорядок и выдал такое выразительное ругательство, что даже Ратников замолчал.

— Уберите за собой, — сказала Ольга Глебу.

— Да я к воротам едва прикоснулся!

— Поднос тронули вполне уверенно.

Глеб опустился собирать пакеты. Я помог ему поднять несколько штук, пока посетители обходили проход. Он дёрнулся, будто ожидал удара, и выхватил у меня из руки упаковку.

— Я справлюсь.

— Судя по вчерашнему, не со всякой работой, — сказал я.

Он сжал губы. Воспоминание о вчерашней стычке не сделало нас друзьями, но и драки сейчас никто не искал. Ратников, наоборот, всё сильнее раздражался. Удобный для выступления двор становился местом, где его подчинённый собирал сахар на глазах у зрителей.

— Глеб, в машину, — бросил он.

— А пакеты?

— Закончи и уходи. Мне надоело смотреть, как ты делаешь из мелочи трагедию.

Ольга дождалась, пока бариста вернулся к работе, и направилась к воротам сама.

— Ваш разговор окончен. Я прошу вас уйти.

Ратников застыл напротив неё. На секунду с его лица исчезла вся приветливость. Я стоял в нескольких шагах и видел, как он посмотрел на часы, потом на меня. Одна перчатка сжалась в кулак. Неудивительно: ему отказали дважды, и каждый раз при людях.

— Вы недооцениваете расходы, которые создаёт старое имущество, — сказал он уже тише. — Пока оно стоит, у вас будут новые проблемы.

— Тогда вы и не создавайте их, — ответила Ольга.

Ратников усмехнулся без веселья, убрал телефон и направился к машине. Глеб поспешил за ним, оставив аккуратную стопку собранных пакетов на краю стойки. Цепь у ворот наконец провисла. Михей сел в тень клумбы и выглядел страшно довольным. Вероятно, успех в его понимании измерялся количеством людей, которых удалось вывести из себя.

Светлая машина отъехала. Я вышел к арке следом за Ольгой. На соседней улице, у входа в небольшой продуктовый магазин, стоял коренастый мужчина в тёмной куртке. Он прижал к уху телефон, когда машина Ратникова проехала мимо. Через минуту убрал его, не заходя в магазин, и прислонился к ограждению. Мы не могли знать, что ему поручили. Но его взгляд слишком часто возвращался к нашей арке.

— Кажется, вам оставили зрителя, — сказал я.

— Вижу. Пусть смотрит. Двор от этого ничьим не станет.

Она повернулась ко мне. Усталость за день проступила сильнее, но голос остался твёрдым.

— Давайте вернёмся к часам. Вы хотели понять, что у них внутри. Я разрешу осмотр с инструментом, при мне. После закрытия части столиков, чтобы никого не задеть. Если окажется, что металл придётся ломать, сначала снова спросите.

— Согласен. Когда удобно?

— Завтра после вашей смены. Я лично буду здесь. И не собираюсь платить за догадки.

— Я и не предлагаю.

Она помедлила, выбирая слова.

— Если найдёте внутри что-то ценное и это можно будет подтвердить, получите восемнадцать тысяч рублей. Фиксированно. Все вещи останутся у меня до моего решения. Мне нужны часы в целости и чужие руки подальше от имущества. Справитесь?

Предложение было честным. После прежних приключений я особенно ценил клиентов, которые произносили условия вслух прежде, чем начнутся неприятности.

— Справлюсь. Только условимся: если вы скажете остановиться, останавливаюсь. Если придёт этот человек со своими рабочими, разговор о часах начнёте вы.

— Это я и без вас умею.

— Убедился. Хорошо, что вы не работаете у моего начальника. Он бы лишился кабинета за первый день.

Ольга впервые за вечер коротко рассмеялась. Внутри кофейни кто-то уронил ложку, бариста крикнул про готовый заказ, за спиной проехал автобус. Обычный городской вечер продолжался, несмотря на чужие попытки переписать правила двора.

Я ещё раз взглянул на тёмную стойку часов. До настоящей находки оставалось далеко. У меня были следы косого износа, свежие царапины, разрешение хозяйки на следующий осмотр и человек, который очень хотел увезти всё целиком. Подобного набора достаточно, чтобы провести беспокойную ночь, но пока маловато, чтобы покупать шампанское.

— Артём, — остановила меня Ольга у боковой двери. — Вы вчера сказали, что кто-то смотрел часы с металлической коробочкой. Этот ваш знакомый был среди людей Ратникова?

— Нет. Сегодня его не видел. И знакомым назвать не могу. Узнал по шарфу, больше ничего.

— Значит, пока не делаем выводов.

— Договорились.

Я пошёл к выходу вдоль стены. На этот раз двор не пытался повернуть меня обратно. Михей сидел за клумбой, в полумраке виднелись только медные глаза. Двумя пальцами он указал сначала на свои глаза, потом на меня. Обещание следить получилось понятным даже без человеческих слов.

У арки я пропустил женщину с пакетом выпечки. На соседней улице мужчина в тёмной куртке всё ещё стоял у ограждения. Заметив меня, он уставился на вывеску продуктового. Лицо я запомнил; затевать драку посреди тротуара из-за одного взгляда было бы глупо.

Телефон завибрировал. Марина написала: «Встреча закончилась. Ты свободен?» Я ответил: «Еду домой. Кофе нашёл, покой — нет». Она прислала смеющийся значок и предложила позвонить по дороге. Я согласился. В конце концов, право на нормальный вечер у меня ещё никто не выкупил, даже за символическую плату.

За спиной звякнула цепь. Я не обернулся. Пока Михей караулил ворота Ольги, Ратников подбирал людей, готовых вывезти часы. Завтра я осмотрю основание. Что бы там ни оказалось, Максим уже считал находку своей.

Глава 3. Часы без времени

У арки «Листвы» разгорелось утреннее состязание за право командовать, и каждый выступал сам за себя. Курьер с коробкой десертов требовал пропустить его первым. Водитель небольшого фургона убеждал женщину с коляской, что он остановился на минуту. Женщина сообщала ему, где именно он может провести эту минуту, причём её предложение не предназначалось для приличного общества.

Я стоял у входа с бумажным стаканом и размышлял, как умудрился вчера согласиться на работу в месте, где люди сражаются за проход ещё до открытия второй смены. Внутри кофейни звенела посуда. За окнами сидели посетители с ноутбуками, у дальней стены собралась компания молодых матерей, а двор, несмотря на прохладное утро, уже заняли любители пить кофе под уличными обогревателями.

Проходить к часам сейчас было бессмысленно. Даже если бы Ольга разрешила осмотр на месте, нашлось бы десятка два зрителей, каждый со своим советом. Вчера мы договорились, что я вернусь с инструментом после смены. Слово стоило соблюдать хотя бы ради разнообразия.

— Артём! — окликнула Ольга от стойки. — Вы решили завести здесь второй рабочий день?

— Пока только позавтракать. Мой рабочий день ещё не начался.

Она выглядела бодрой ровно настолько, насколько способен выглядеть человек, у которого двое курьеров одновременно требуют подписи и оба привезли совершенно не то, что ждали. Ольга отдала распоряжения бариста, показала водителю рукой на свободное место для разгрузки и только потом подошла ко мне.

— Вечером всё в силе, — сказала она. — Часы трогать будем после того, как освободятся столики. Сейчас народу полно.

— Я вижу. Один мужчина у ворот уже готов объявить независимость своей коробки.

— Если он ещё раз поставит её поперёк прохода, объявит заодно и об окончании сотрудничества.

За аркой послышался возмущённый крик. Ольга даже не повернула головы. У неё за три дня сложилась невосприимчивость к определённым человеческим интонациям, которую я пока только осваивал.

— Кстати, — сказала она, — кое-что нашла дома. Фотографию отца. Он стоит рядом с часами, когда их только поставили. Снимок висел у матери в рамке, потом я забрала. Никаких тайн в семейных альбомах не искала. Просто вспомнила, как всё выглядело раньше.

Она вынула телефон и открыла фотографию. На пожелтевшем бумажном снимке молодой мужчина в рубашке с закатанными рукавами улыбался возле чугунного циферблата. Позади виднелись кирпичная стена, столик с клеёнкой и половина вывески старого семейного заведения. Часы стояли там же, где сейчас. Только опора казалась ниже и шире у самого основания.

— Это ваш отец?

— Да. Снимал его мой дядя. Отец любил эти часы. Говорил, что посетителям приятно знать время, даже когда засиживаются допоздна. Потом механизм перестал работать. Отец отказался их выбрасывать.

— Мудро. Не каждая вещь обязана оправдывать своё существование точностью показаний.

— Мой бухгалтер с вами бы поспорил.

Я увеличил снимок на её телефоне, не забирая его. Часы действительно выглядели иначе. Дело могло быть в угле съёмки: фотограф стоял ниже нынешнего уровня столиков. Но рядом с

квадратным низом шла широкая тёмная полоса, которой я не заметил на сегодняшней стойке. Похожая полоса оставалась под слоем краски, возле вчерашнего скола.

— Можно вечером ещё раз взглянуть? — спросил я.

— Покажу. С фотографией можете делать что угодно, лишь бы с часами пока ничего.

От двери раздался звон разбитого стакана. Ольга повернулась и увидела, как курьер задел плечом поднос. Бариста застыл с чистой чашкой в руке. Виновник побледнел.

— Всё живы? — спросила она.

— Стакан не выжил, — ответил бариста.

— Тогда убирайте стекло и откройте проход. Артём, вечером после семи. Я буду здесь.

Я допил кофе на ходу и вышел к своей машине. У часов мелькнула лоскутная куртка Михея. Дворовой стоял у клумбы, наблюдая, как водитель фургона пытается развернуться, и по выражению его лица можно было подумать, будто он лично изобрёл запрет на парковку. Цепь ворот слегка качнулась. Я успел заметить это и ускорил шаг: опаздывать на работу из-за чужого грузовика мне не хотелось.

День прошёл без особых чудес. На работе мы с Женей разобрались с машиной, которую хозяин упорно называл «почти новой», хотя салон помнил совсем другие цены на бензин. Начальник попросил задержаться на десять минут, чтобы передать заказ следующей смене. Я согласился, предупредив, что потом у меня личное дело.

— Снова металлолом? — спросил Женя.

— Часы.

— Наручные?

— Те, которые весят больше тебя.

— Тогда сам носи. Я сегодня добрый человек и не стану помогать.

Он махнул рукой и пошёл встречать клиента. Закончив работу, я сменил куртку, проверил небольшой набор инструмента и отправился в «Листву». Для осмотра хватало фонаря и пары отвёрток. Вечером я приехал чуть позже назначенного времени.

Над городом тянулись низкие облака. У остановки люди прятались под навесом, у газетного киоска продавец закрывал витрину, по соседней улице медленно проползал автобус. Я заметил мужчину в тёмной куртке, похожего на вчерашнего наблюдателя, но тот уже разговаривал с женщиной и держал пакет с продуктами. Расстояние не позволяло разобрать лицо. Я не стал придумывать ему должность в фирме Ратникова.

Во дворе кофейни ещё сидели посетители. Молодая пара спорила, можно ли заказывать третий десерт на двоих. За другим столиком мужчина в светлом свитере делал вид, что читает книгу, хотя уже несколько минут слушал разговор за спиной. Место для осмотра у часов освободили лишь с одной стороны. Ольга встретила меня у боковой двери.

— Все большие столики закрывать не буду, — предупредила она. — Люди сюда пришли отдыхать. Осмотрите то, что видно с края. При необходимости остановимся.

— Мне хватит. Я не собираюсь устраивать раскопки между чашками.

Она попросила бариста поставить возле дорожки маленькую табличку, чтобы гости обходили часы с другой стороны. Табличка обещала временные неудобства и бесплатную улыбку администратора. Я заметил, что второе обещание давалось сложнее первого.

— Что конкретно вам понадобится? — спросила Ольга.

— Чтобы вы стояли рядом и говорили «нет», если я увлекусь.

— Я умею. Недавно тренировалась на Ратникове.

Она показала мне ту же фотографию, теперь без утренней спешки. Мы сравнили широкий низ на снимке с чугунной стойкой. Неопровержимого доказательства подмены не было. Зато у нынешних часов краска вокруг нижнего выступа ложилась неровно, словно поверх старого соединения прошлись второпях.

— Отец говорил, что их однажды переделывали? — спросил я.

— Он рассказывал про ремонт механизма и новый циферблат. А про основание — только что его двигали при расширении площадки. Я тогда училась в школе. Кто именно работал, не запомнила.

— Не беда. Предмет сам кое-что показывает.

Михей сидел за клумбой, положив подбородок на кулаки. Он следил за моими руками внимательно и недоброжелательно. Я показал Ольге на светлый скол у нижнего края и попросил разрешения прикоснуться к стойке. Она кивнула.

Я легко постучал костяшкой пальца по верхней части опоры. Глухой ровный звук. Ниже — ещё один, похожий. У самого основания металл отозвался коротко и резко, будто под толстым слоем чугуна спряталось небольшое пустое пространство. Я повторил движение чуть в стороне. Звук пропал. Снова вернулся к прежнему месту — тот же короткий отклик.

— Слышите? — спросил я.

— Слышу, но не понимаю, что это значит.

— Пока и я не знаю. Либо металл здесь устроен иначе, либо за стенкой есть пустота. Если сейчас приложить ладонь…

Я прижал руку к месту рядом со сколом и постучал на расстоянии пальца от неё. Короткий звон исчез. Оставался обычный глухой звук, как на остальной стойке. Ольга наклонилась, чтобы видеть, куда я кладу пальцы.

— Вы думаете, там что-то лежит?

— Думаю, внутри отзывается небольшая полость. Чем она заполнена — узнаем, когда найдём законный способ посмотреть. Не обещаю ни серебра, ни бутылки с запиской от вашего деда.

— У деда был ужасный почерк. Серебро меня устроит больше.

Она улыбнулась и тут же стала серьёзной. Перед нами стояла старая семейная вещь, а под её краской скрывалась чужая работа. Сломать стойку ради удачного звука означало бы обмануть хозяйку, даже если потом найти внутри мешок золота.

— Здесь, кажется, есть край отдельной детали, — сказал я, указывая на тонкую границу под слоем краски. — Но без вашего разрешения трогать её не стану.

— Сегодня без вскрытия. Сначала скажите, можно ли сохранить сами часы.

— Попробуем определить это без грубой силы. Времени у нас достаточно, пока никто не утащил их под видом заботы.

— Насчёт последнего я бы не спорила.

Девочка у столика подняла с дорожки салфетку и протянула матери. В кофейне убавили музыку, чтобы посетители слышали номера заказов. Я шагнул ближе к клумбе. Михей заворчал, по носку моего ботинка чиркнул сухой лист. Он прилетел оттуда, где не было ни ветра, ни людей. Я отступил до дорожки. Дворовой тут же перестал ворчать.

— Что? — спросила Ольга.

— Ничего. Место тесное. Лучше осматривать с этой стороны.

Я опустился на корточки, чтобы проверить один выступ, и услышал возле ворот раздражённый мужской голос:

— Я сказал, доставка для заведения. Почему вы не принимаете товар?

Мы обернулись. У арки стоял коренастый мужчина в тёмной стёганой куртке. Рядом с ним остановилась молодая сотрудница кофейни. На тротуаре за воротами виднелся белый фургон без яркой надписи, у задних дверей которого возился второй человек. Коренастый держал небольшую картонную коробку и разговаривал так громко, будто его должны услышать жильцы верхних этажей.

— У нас нет такой поставки, — возражала девушка. — И наклейка на коробке чужая.

— Сами просили срочно. Теперь я виноват? Где хозяйка?

Ольга вздохнула, но осталась на месте.

— Подойдите сюда, — сказала она. — Я хозяйка. Что именно привезли?

Мужчина не двинулся. Вместо этого постучал пальцем по коробке и повысил голос:

— Я вам не таскать это через весь двор нанимался. Подойдите к машине, там полный заказ. У меня время идёт.

— У всех оно идёт, — ответила Ольга. — Только у наших часов остановилось. Назовите товар.

Он замялся на долю секунды и ответил что-то про сиропы и стаканы. Бариста, вышедший вслед за девушкой, сразу покачал головой.

— Мы сиропы утром получили. И стаканы тоже. Я сам разгружал.

— Это дополнительный заказ, — быстро сказал мужчина. — Хозяйка пусть сама проверит, что заказала. У меня к ней разговор.

Он шагнул внутрь арки. Я увидел его ботинки: тяжёлые рабочие, с чёрными мазками на наружных носках. Один мазок блестел свежо, почти как сколотая краска у основания часов. Сам по себе цвет ничего не доказывал. Но у человека, который якобы развозил стаканы и сиропы, на ботинке сохранилась приставшая чешуйка точно такого же грубого тёмного покрытия, какое я только что стёр пальцем со стойки.

Рядом с фургоном что-то лязгнуло. Поверх плеча коренастого было видно, как второй мужчина проскользнул через приоткрытую створку во двор. Он шёл вдоль стены, где его заслонял высокий уличный зонт. В руках у него ничего не было. Зато третий, в сером жилете, наклонился возле часов с противоположной стороны. Раньше я принял его за одного из работников кофейни: он тащил пустую складную тележку и не привлекал внимания гостей.

— Ольга, — сказал я тихо, — у вашей стойки посетитель без заказа.

Она мгновенно повернулась. Мужчина в жилете взялся за нижний выступ часов. Его напарник подошёл со стороны клумбы. Вместе они попробовали приподнять край основания и сдвинули его по брусчатке на несколько сантиметров. Металл скрипнул. Девочка за соседним столиком вскрикнула, а её отец отодвинул стул от тяжёлой вещи.

— Руки убрали! — резко сказала Ольга.

Коренастый с коробкой шагнул ей навстречу, пытаясь заслонить обзор.

— Вы сначала примите поставку! Я потом разберусь с вашими рабочими.

— У меня нет таких рабочих, — ответила она. — И вашего заказа тоже.

Я оказался возле стойки раньше, чем люди успели сдвинуть её дальше. Не бросался на них: здесь сидели посетители, а один из мужчин стоял почти вплотную к детскому стулу. Я поставил ладонь на верхний край основания и приказал:

— Отпустили. Если уроните часы, они упадут прямо на людей.

— Мы их забираем, — процедил мужчина в сером жилете. — Нам велели.

— Назовите хозяйку, которая велела.

Он посмотрел в сторону коренастого. Тот уже перестал изображать возмущённого доставщика и быстро шёл к нам.

— Отойди от вещи, — бросил он мне. — Мы тут работу делаем.

— У вас любопытная должностная инструкция. Начинается с крика, продолжается кражей.

Мужчина попытался толкнуть меня плечом. Я развернулся боком, и он задел пустой стул. Мебель опрокинулась; один из посетителей вскочил и оттащил свой стакан от края. Я подхватил спинку, поставил стул на место и вновь оказался между людьми и часами. Для драки рядом с ребёнком им следовало поискать другое заведение.

Ольга уже стояла перед коренастым. Она говорила отчётливо, без крика:

— Часы мои. Я никому не разрешала их снимать. Тележку убрали. Фургон убрали. Сейчас.

— Да вы понимаете, сколько техника стоит? — возмутился он.

— Понимаю, сколько мне стоит работа заведения. Ваш спектакль окончен.

Слева, возле клумбы, Михей приподнялся и оскалил мелкие зубы. По брусчатке закружилась пыль. Он смотрел попеременно на чужих работников и на мою руку, которой я придерживал основание. Я убрал ладонь, убедившись, что оба работника уже отпустили железо. Пыль осела у клумбы, не долетев до столиков.

— Ещё раз притронетесь — будете объяснять это всем свидетелям, — сказала Ольга. — Здесь полно людей, которые видели, как вы пытались унести чужую вещь.

Мужчина с коробкой обвёл взглядом столики. Кто-то уже держал телефон перед собой. Отец девочки встал и подошёл ближе. Бариста закрыл боковую дверь, чтобы никто из работников не прошёл через зал.

Коренастый выругался себе под нос и развернулся. У шва его ботинка блеснула чёрная чешуйка краски. Такой же цвет я видел на свежей царапине стойки. Может быть, она осталась от вчерашних попыток вывезти часы. Только когда этот человек подходил к стойке, я пока не знал. Запомнил подробность на всякий случай.

— Шефу это не понравится, — сказал человек в жилете, подбирая тележку.

— Пусть поговорит со мной, — ответила Ольга. — Я вчера уже приглашала его услышать слово «нет».

Они вышли через арку. Фургон тронулся не сразу: водитель ещё что-то кричал из открытого окна, но у ворот стояло достаточно посетителей, чтобы он передумал возвращаться. Машина уехала, оставив мокрое пятно на дороге от конденсата. Я проводил её взглядом, чувствуя, как утихает знакомое желание броситься вдогонку.

— Вы заметили ботинки? — спросил я у Ольги, когда люди вернулись к своим столикам.

— Я заметила, что они трогали мои часы. Этого мне достаточно. Вам что-нибудь удалось понять до их появления?

— Внутри нижней части есть участок, который звучит иначе. Возможно, там скрыта небольшая полость. И фотография показывает, что основание когда-то выглядело шире. Нужно решить, как проверить его, не повредив семейную вещь.

Ольга подошла к часам. Они стояли чуть ближе к дорожке, чем до прихода людей Ратникова. Пара свежих светлых царапин тянулась по краю основания. Сам циферблат остался цел. Хозяйка провела по нему ладонью, потом оглянулась на столики.

— Им плевать, что здесь дети, — сказала она негромко. — Ради куска железа готовы устроить давку.

— Они пока думают, что вы испугаетесь и отдадите сами.

— Значит, ошибаются.

У клумбы Михей громко хмыкнул. Ему явно понравился ответ. На меня он смотрел с прежним подозрением.

— Ты тоже бы выворотил, — буркнул он, когда Ольга отошла проверить, не пострадал ли кто-нибудь из гостей.

— Без её согласия не стану.

— Говоришь складно.

— Привычка. Иногда приходится объяснять, почему чужое остаётся чужим.

Дворовой сплюнул в землю и скрылся за кустами. Поверить мне он не обещал. Я вернулся к часам и присел, разглядывая место, где от краски отлетела новая чешуйка. Теперь участок со звонким откликом находился чуть выше свежей царапины. Я положил ладонь поверх него, почувствовал холодный металл и представил, как легко было бы взять подходящий инструмент и поддеть тонкий край. Но это могло оставить на часах необратимую отметину, а разрешения на вскрытие у меня не было.

Ольга вернулась с бариста. Тот сообщил, что никто не пострадал, а только один посетитель опрокинул кофе, когда вставал. Мужчина сам уже просил новую чашку и отказывался уходить, потому что ему хотелось узнать, чем всё кончится.

— Чем кончится, будет видно завтра, — сказала Ольга и посмотрела на меня. — Сегодня вы больше ничего не открываете. Я хочу сначала закрыть заведение спокойно и решить, как защитить часы от следующего визита.

— Я не настаиваю. Осмотр на месте дал больше, чем погоня за грузовиком.

— Вы могли бы и погнаться, — заметила она. — Только мне тогда пришлось бы одному из работников объяснять, почему чужие люди увезли мою вещь, пока вы искали их машину.

— Такой рассказ обидел бы меня справедливо.

Она усмехнулась. На улице уже включились фонари. Через арку потянулся обычный городской шум, фургон давно исчез, а люди снова выбирали пирожные. Я собрал инструмент, которым так и не пришлось пользоваться, и закрыл сумку.

— Завтра я приду, если вы разрешите, — сказал я. — Подумаем, можно ли аккуратно добраться до отдельной детали. Только здесь, при вас.

— Приходите. Но сперва позвоните. Я должна сама решить, когда и как это делать. И пусть Ратников узнает: никакой утилизации не будет.

Оговорённые восемнадцать тысяч оставались обещанием за подтверждённую ценную находку. Пока я получил только усталость, два подозрительных звука и ясное представление о том, насколько нагло некоторые люди обращаются с чужой собственностью. Это тоже был результат, пусть за него обычно не платят.

На выходе я задержался у часов и вновь взглянул на остановившиеся стрелки. Отец Ольги берег их столько лет. Кто-то недавно царапал основание, а сегодня пытался вывезти стойку при свидетелях. Значит, чужая спешка была сильнее страха опозориться. Внутри мог оказаться обыкновенный пустой зазор. Но Ратникову почему-то требовалось именно это железо, причём целиком.

За спиной звякнула воротная цепь. Михей не вышел из клумбы, только бросил вслед:

— На этот раз руки вовремя убрал.

— Считай, первый комплимент, — ответил я.

— Не обольщайся, — отрезал он. — Я про их руки.

С улицы доносились голоса ожидавших автобус. Я смешался с толпой. Фургон ушёл, зато основание часов оставалось на месте. Нужно осмотреть его при Ольге, пока у ворот не объявился следующий грузовик. Ратникову завтрашний ответ вряд ли понравится.

Глава 4. Вежливый грабитель

У некоторых людей слово «нет» вызывает ту же реакцию, что у кота закрытая дверь. Разница только в том, что кот хотя бы не предлагает дверь утилизировать за счёт хозяина.

Ольга Крестова позвонила мне, когда я заканчивал смену в мастерской. В боксе ещё пахло горячей резиной, Женя спорил с клиентом о разнице между «посмотреть» и «сделать бесплатно», а за воротами в два ряда стояли машины. Телефон зазвонил уже в третий раз. Я вытер руки и вышел на улицу.

— Артём, вы сегодня приедете? — спросила Ольга. Голос у неё был спокойный, но за спиной кто-то громко требовал книгу жалоб из-за холодного капучино.

— Собирался позвонить вам сам. Через полчаса освобожусь. Осмотр всё ещё разрешён?

— Разрешён. Но у нас снова гости, которых я не звала. Ратников по телефону пообещал приехать лично. На этот раз с предложением, от которого я якобы не смогу отказаться.

— Вы уже отказались?

— Конечно. Не люблю портить человеку сюрприз.

Она замолчала, что-то ответила сотруднице и вернулась ко мне:

— Только приезжайте без драки. У меня посетители, вечерний поток, дети с мороженым. Мне нужны целые столики.

— Столики оставим в покое. Насчёт людей не обещаю. Они сами выбирают, куда ставить голову.

— Не остроумничайте. И позвоните, когда будете у ворот.

Я пообещал и положил трубку. Женя выглянул из бокса, покрутил в пальцах ключи и поинтересовался, за какую провинность меня снова зовут к часам.

— Там богатый человек пытается купить чужое железо, — объяснил я.

— Купит и всё закончится.

— Хозяйка не продаёт.

— Тогда он купит ей новые.

— Вот поэтому ты работаешь с машинами. Они хотя бы не спорят, кому принадлежит их руль.

Женя проводил меня недовольным взглядом. Я забрал куртку и вышел на оживлённую улицу. На остановке народ теснился под рекламным навесом, у цветочного киоска две женщины обсуждали цены, а напротив кафе парень фотографировал свою девушку так долго, что она успела перестать улыбаться. Кобрин проживал обычный вечер. Ни одному прохожему не было дела до старых часов в чужом дворе. Мне самому ещё неделю назад такая забота показалась бы чрезмерной.

У «Листвы» я остановился возле продуктового магазина, проверил, свободен ли въезд, и набрал Ольгу. Она ответила сразу:

— Заходите. Ратников уже здесь. С ним двое. Третий ждёт у ворот.

— Договорились об осмотре, — напомнил я.

— Да. Всё остальное — исключительно с моего разрешения.

Я убрал телефон и вошёл в арку. Впереди пахло свежими вафлями и мокрой листвой. Под навесом работали уличные обогреватели, за столиками разговаривали люди. Возле боковой двери стояла тележка с мешками кофейных зёрен, рядом бариста собирал пустые картонные стаканы в коробку. После вчерашней стычки обычная суета здесь казалась почти роскошью.

Часы стояли на прежнем месте. У нижнего края оставались две свежие царапины, которые я запомнил с прошлого вечера. Никто не пытался замаскировать следы. Значит, Ольга решила оставить их на виду.

Сам Ратников сидел за маленьким столиком с чашкой эспрессо. Дорогой плащ он аккуратно сложил на спинке свободного стула; перчатки лежали рядом с блюдцем. Перед ним на столе находился тонкий кожаный портфель. В двух шагах ждал знакомый Глеб, тот самый работник, который уже проверял крепость воротной цепи своей физиономией. Второй, широкоплечий, с короткой стрижкой, разглядывал часы с видом покупателя на автомобильном рынке.

Ольга подошла ко мне от стойки. На ней был рабочий фартук, а рука держала телефон так крепко, словно она рассчитывала раздавить им раздражение.

— Посмотрите сначала, что он придумал, — сказала она тихо. — Его люди объявили, что им срочно нужна площадка для нового украшения двора. Никакого такого украшения мне не нужно.

— Надеюсь, оно не поёт после полуночи.

— В крайнем случае я найму вас выключать.

Ратников заметил нас, встал и надел улыбку. Для человека, которому уже отказали несколько раз, он выглядел удивительно довольным собой.

— Артём, добрый вечер, — произнёс он. — Рад, что вы здесь. Может быть, поможете Ольге Сергеевне оценить разумное предложение.

— У вас появились разумные предложения?

— Остроумие — вещь дешёвая. А у нас разговор о настоящих деньгах.

Он развернул к хозяйке экран телефона. На нём красовался аккуратный рисунок нового дворового украшения: блестящий круг часов на тонкой колонне, окружённый одинаковыми клумбами. Всё это выглядело так, словно двор кофейни решили превратить в приёмную дорогого врача.

— Ваш объект давно отслужил своё, — продолжил Ратников. — Мы заберём старую конструкцию и выплатим вам компенсацию за неудобства. Двенадцать тысяч наличными, сегодня. Потом предложим новый вариант оформления. С нашими партнёрами это займёт считаные дни.

— Мне нужен старый вариант оформления, — ответила Ольга. — Здесь мой отец на фотографии. Его часы стоят в моём дворе. Я говорила вам об этом.

— Сентиментальность прекрасно смотрится в семейном альбоме. В коммерческом пространстве она мешает принимать решения.

— Моё коммерческое пространство. Моё решение.

Улыбка осталась на его лице ещё на секунду, потом будто стёрлась. Он посмотрел на меня поверх телефона.

— Разумеется, вы вправе доверять тому, кто уже пообещал найти вам в металлоломе сокровище. Но ответьте себе, почему этот человек так заинтересовался вашим двором.

— Потому что я сама разрешила ему осмотреть часы, — сказала Ольга. — Вы здесь по другой причине. И начинаете меня утомлять.

За соседним столиком две девушки перестали обсуждать отпуск. Одна незаметно повернула телефон камерой к нам. Ратников это заметил. Он тут же выпрямился и заговорил громче, будто выступал перед покупателями элитной недвижимости.

— Никто никого не принуждает. Мы предлагаем избавить заведение от опасного предмета, за который ответственность всё равно несёт владелец. Оставим вам деньги и красивое место.

— Давайте оставим красивое место и уберём вашу тележку, — сказала Ольга.

Ратников сжал перчатки в руке. Глеб, видимо, принял этот жест за распоряжение: шагнул к часам и позвал широкоплечего.

— Руслан, давай покажем, сколько времени она зря теряет, — бросил он.

Они потянули пустую тележку к нижней части часов. Я встал между тележкой и стойкой. Слева оставалась клумба с Михеем, справа — проход между столиками. За спиной у работников виднелась арка; у неё собирались выходить трое посетителей, державших бумажные пакеты с выпечкой. Сейчас любая толкотня могла запереть людей в узком месте.

— Вы куда? — спросил я.

— Работаем, — ответил Глеб. — Отойди.

— Покажите, кто вас нанял.

Широкоплечий, которого звали Руслан, ткнул пальцем в сторону Ратникова. Тот продолжал стоять у столика и не спешил повторять приказ вслух.

— Владелица сказала остановиться, — напомнил я.

— Ты ей кто? — спросил Руслан. — Охранник кофе?

— Сегодня — человек с плохим настроением. У вас есть выбор.

Он попытался провести тележку мимо моего бедра. Я упёрся подошвой в край брусчатки и удержал её за ручку. Руслан рванул сильнее. Колёсико наскочило на шов, тележка дёрнулась и ударила его по голени. Он выругался и с ходу толкнул меня в грудь.

Отступить оказалось некуда: справа стоял столик, где пожилой мужчина пытался подняться со стула, а слева мешки с кофе загораживали свободный край дорожки. Я развернулся боком, пропустил толчок и схватил Руслана за предплечье. Он был тяжелее, чем выглядел. Свободной рукой он вцепился в ворот моей куртки и потянул к себе.

— Уберите людей из прохода! — крикнула Ольга бариста.

Тот сразу открыл боковую дверь и начал звать посетителей в зал. Две девушки у соседнего столика забрали чашки и ушли первыми. Мужчина, которому мы едва не опрокинули стол, неожиданно вернулся за пакетом с круассанами. Одни привычки сильнее инстинкта самосохранения.

Глеб полез ко мне с другой стороны. Я отпустил руку Руслана, подхватил пустую коробку со стаканами и сунул её между нами. Глеб пробил картон кулаком. Белые стаканчики рассыпались по дорожке, словно во дворе внезапно открылся киоск с бесплатной посудой.

— Хватит! — крикнула Ольга. — У меня люди!

— Отойдите к двери, — ответил я, не оборачиваясь.

Это было последнее, что я успел сказать до удара. Руслан врезал мне плечом в грудь и повалил на мешки с кофе. Подо мной что-то мягко хрустнуло, в нос ударил густой запах обжаренных зёрен. Мешки оказались надёжнее рекламного обещания на вывеске, но приятно от этого не стало.

Глеб шагнул за нами, поскользнулся на стаканчиках и едва не рухнул лицом на тележку. Руслан отпустил мою куртку и вскинул локоть. Я пригнулся, и удар пришёлся в деревянную стойку навеса. Руслан зашипел и отдёрнул руку.

У клумбы раздалось короткое, злое сопение. Михей стоял на низком бортике, вцепившись пальцами в край своей лоскутной куртки. Весь двор вокруг него уже начал покрываться поднятой с брусчатки пылью. Не знаю, раздражали ли его упавшие стаканчики или люди, которые снова тащили тележку к часам. Мне в этот момент одинаково мешало и то и другое.

— Сейчас начнётся, — пробормотал я.

Михей швырнул сухой сор низко над брусчаткой. Стаканчики из-под ног Глеба разлетелись к клумбе, бумажные салфетки прилепились к мокрому боку тележки. Руслан нагнулся, вытирая глаза, и потерял меня из виду. Я прикрыл лицо рукавом, подался под навес и успел отвести мешок с кофе от ног пожилого посетителя. Пыль щипала веки, а по двору уже катился чей-то бумажный пакет. Поднимать его никто не собирался.

— Что за дрянь? — взвыл Глеб.

— Это вопрос к вашим методам работы, — сказал я и тут же сам закашлялся.

Михей злобно фыркнул. Когда пыль перестала подниматься, я попытался выйти к арке кратчайшей дорогой — и впереди неожиданно оказалась клумба, хотя секунду назад я видел за Русланом проход. Ударяться лбом в ту же ошибку мне уже случалось. Я потрогал рукой кирпичную стену рядом с боковой дверью, двинулся вдоль неё и снова увидел правильный проход.

Но в этом направлении уже рванул Глеб с тележкой. Он хотел обойти меня справа и всё-таки добраться до часов. Металлическая цепь ворот вздёрнулась с сухим звоном. Глеб отпрянул, дёрнул тележку на себя, и её ручка ударила Руслана в бок.

— Ты совсем охренел?! — рявкнул тот.

— Это не я!

— А кто? Дед Мороз?

Я видел Михея под навесом клумбы. Дворовой скалил зубы, а цепь дёргалась в пределах ворот. Он не выскакивал на улицу и не хватал людей руками. Его владения начинались от арки и заканчивались у внутренней стены. Снаружи, за воротами, прохожий в светлой куртке спокойно разговаривал по телефону, не замечая, как я блуждаю в знакомом дворе.

— В зал, все в зал! — повторила Ольга. — Не стойте у арки!

На этот раз её послушали. Бариста повёл последних гостей мимо боковой двери, а одна из девушек забрала со стола забытый детский шарф. Даже Ратников отошёл от пыли под выступ крыши. Он не выглядел испуганным; скорее раздражённым тем, что его тщательно подготовленный вечер превратился в чужой балаган.

— Руслан! — резко позвал он. — Хватит валяться. Забери накладку и уходи.

Я обернулся слишком поздно. Пока мы с Глебом теряли друг друга в пыли, Руслан ухватился за нижний край часов. Под вздувшейся краской там оставалась тонкая граница детали, которую вчера я только показывал Ольге. Широкоплечий дёрнул за неё обеими руками. Что-то хрустнуло. Невысокая чугунная крышка отделилась от основания, оставив на металле светлую полосу.

— Руки убрал! — крикнула Ольга.

Руслан прижал крышку к боку и двинулся к воротам. Тележку он бросил. Ему требовался уже небольшой кусок металла, который можно было унести одному. Ратников подался вперёд, протягивая руку, но остановился, когда заметил за спиной хозяйки бариста с телефоном. Я успел увидеть только его движение. О том, что он собирался сказать, судить было рано.

Я перехватил Руслана возле пустого столика. Он развернулся, ударил свободной рукой в подбородок. Удар скользнул по щеке; я шагнул внутрь его замаха и прижал локоть к его туловищу. Крышка оказалась зажатой между нами. Руслан попытался продавить меня к дорожке, где по полу ещё катались стаканы.

— Отпусти, урод! — просипел он.

— Верни то, что взял.

Вместо ответа он боднул меня лбом. Я успел сместиться; удар пришёлся по скуле. Перед глазами на миг вспыхнули белые точки. Я ответил коротким ударом снизу в грудь, заставив его выдохнуть, и резко отступил к открытой площадке перед боковой дверью. Там не было посетителей и чужих коленей.

Руслан пошёл следом. Он попытался снова обхватить меня, но шагнул на просыпавшиеся зёрна, потерял опору и качнулся. Я поймал его за локоть и направил плечом к глухой стене, не давая упасть на стеклянную дверь. Крышка выскользнула из-под его руки. Она тяжело ударилась о брусчатку и откатилась к моему ботинку.

Глеб бросился за ней. Я опередил его на полшага, наклонился и прижал металл подошвой. Глеб с разбега едва не налетел мне на колено, успел остановиться и поднял кулаки. Я выпрямился с крышкой в руке. Она была холодная и неожиданно неудобная, с грубым краем.

— Ты уверен, что хочешь продолжать? — спросил я.

Глеб посмотрел на Руслана, который переводил дыхание у стены. Затем на бариста, державшего перед собой телефон. На Ольгу, стоявшую прямо у двери. Взгляд его задержался на незнакомом пожилом мужчине с чашкой, который вышел из зала и теперь смотрел на участников драки с откровенным любопытством.

— Это вы нас напали, — сказал Глеб не очень уверенно.

— Тогда почему украденная крышка у меня, а ваши свидетели в основном держатся за телефоны? — спросил я.

Пожилой мужчина поднял чашку.

— Я, например, вообще кофе не допил. Но видел достаточно.

Ратников вышел из-под навеса. Он поднял плащ со стула, стряхнул с рукава невидимую пылинку и остановился у часов. Нижняя часть стойки теперь выглядела ободранной. За сорванной накладкой открылась глухая чёрная поверхность без видимой полости. Если там действительно хранилось что-то ценное, оно пока оставалось внутри.

— Ольга Сергеевна, — сказал Ратников ровным голосом, — у вас на глазах человек избил моих сотрудников. Я всё ещё готов уладить вопрос мирно, но мне понадобится объяснение.

Она посмотрела на него так, что даже Глеб отступил на шаг.

— Объяснение будет коротким. Ваши люди тронули мои часы после прямого запрета. Один попытался унести часть основания. Я всё видела. Бариста тоже. Посетители всё подтвердят. Заберите своих работников и больше не заходите во двор.

— Вы заблуждаетесь насчёт того, кто вам друг, — проговорил Ратников.

— Друзья обычно не приезжают со складной тележкой за чужими вещами.

Он перевёл взгляд на крышку в моей руке. На секунду губы его сжались, потом он снова заговорил вежливо:

— Металл всё равно придётся снять. Он опасен, а вы упрямитесь из принципа. Предложение действительно до вечера.

— Вечер уже наступил, — ответила Ольга. — Ваше предложение истекло.

Пару секунд Ратников молчал. Потом махнул Глебу и Руслану, направился к воротам. Руслан поднял пустую тележку, стараясь не смотреть на меня. Глеб шёл чуть впереди и придерживал плечо. Никто не пытался снова атаковать. Пыль уже осела, но Михей продолжал сидеть возле клумбы и сердито поглядывать на воротную цепь.

Ратников остановился под аркой и обернулся:

— Вы ещё попросите меня забрать этот хлам. Только цена к тому времени изменится.

— У вас сегодня всё меняется, кроме привычки приходить без приглашения, — сказала Ольга.

Он ушёл. Я видел, как на улице рядом с грузовиком остановились Глеб и Руслан. Ратников коротко что-то сказал им, но слов я не разобрал. Они сели в машину. Спустя минуту она скрылась за поворотом. У ворот остались обычные прохожие и бумажный стакан, который никто не спешил поднимать.

Михей спрыгнул с бортика, подошёл к моему ботинку и посмотрел на крышку. Его лицо не выражало благодарности.

— Опять топтали, — буркнул он. — И мои ворота трогали. Все хороши.

— Я их не трогал.

— А пыль разгонял. По моей клумбе шёл. Мешок порвал.

У стены темнела россыпь кофейных зёрен. Шов на мешке разошёлся. Михей оказался прав: пока мы отбивались от чужих кулаков, хозяйке достался ещё и испорченный товар.

— Уберём, — сказал я.

— Они тоже обещали аккуратно.

— Тогда ты мне не верь. Смотри, что сделаю.

Дворовой поднял подбородок и отошёл к клумбе, явно считая разговор законченным. Никакой дружбы мы не заключили. Я попросил у бариста щётку и помог собрать рассыпанное. Работник сдвинул мешок в сторону, освобождая проход. На это ушло меньше времени, чем у Ратникова на вступительную речь о благоустройстве.

Ольга тем временем поговорила с посетителями. Одной девушке заменили опрокинутый напиток, пожилой мужчина отказался от компенсации и попросил выдать ему нормальный горячий эспрессо. Бариста сообщил, что стекло не разбито, дверь цела, столики стоят. Он сказал это с такой усталой торжественностью, будто перечислял уцелевшие памятники архитектуры.

— Вы целы? — спросила Ольга, когда мы остались возле часов.

— На мне всё ещё моя куртка. Для вечера с Ратниковым результат приличный.

— Я не про куртку.

— Со мной порядок. С часами хуже.

Ольга присела у повреждённой стойки. Я положил накладку на сухой край скамьи, подальше от рассыпанного кофе. Толстый округлый металл, внутри старая краска; один угол слегка загнулся при падении. С виду самая обыкновенная часть часов. Только звук, когда мы её подняли, был непривычный.

Ольга взяла её двумя руками, провела пальцем по сколу. Изнутри раздался тихий металлический перекат. Мы оба замерли.

— Вы слышали? — спросила она.

— Да. Поверните ещё раз, только осторожно.

Она слегка наклонила крышку. Под закрытым краем снова прокатилось что-то маленькое и твёрдое. Звук был короче, чем вчерашний отклик стойки, но напоминал его. На землю ничего не выпало. В открытой части крышки не было видно отдельного предмета.

— Может, там обломок? — спросила Ольга.

— Может. Я пока не знаю. И в стойке от этого меньше вопросов не стало.

Она посмотрела на часы, на открытую чёрную полосу под снятой накладкой, потом на своих сотрудников, которые уже возвращали гостям привычный вечер.

— Вчера я попросила вас ничего не вскрывать, — сказала она. — Сегодня за меня попытались решить этот вопрос чужие люди. Больше ждать не хочу.

— Вы уверены? — спросил я. — Если начнём, лучше при вас, без зрителей под ногами.

— При мне. Здесь. Сейчас. Я сама скажу, когда остановиться. И сначала проверим стойку, а эту крышку я никуда не отдам.

Она отнесла накладку к себе, дождалась, пока бариста освободит место у часов, и попросила гостей немного отодвинуть стулья. Никто не возражал. После драки у каждого вдруг обнаружился свободный вечер.

Я вновь посмотрел на широкое основание и заметил под свежим сколом тот же неровный след, который вчера видел рядом с семейной фотографией. Чужая рука уже вскрыла часть старого железа. Оставалось выяснить, ради чего Ратников так упорно пытался унести его целиком.

— Ну что? — спросила Ольга.

Я расстегнул куртку, убрал телефон и присел возле часов.

— Начнём. Только всё найденное сначала увидите вы.

За спиной звякнула цепь. Михей устроился между часами и проходом. Даже сидя, он умудрялся выглядеть часовым, которому только что объявили тревогу.

Глава 5. Серебро в стойке

Часы давно перестали показывать время, зато притягивали всех желающих поживиться за чужой счёт. За три дня возле них побывало больше охотников до дармовщины, чем возле моего гаража за месяц. Только гараж хотя бы был моим.

Я сидел на корточках перед ободранным основанием и ждал, пока Ольга Крестова закончит распоряжаться собственным двором. После драки посетители оживлённо делились впечатлениями. Мужчина в сером свитере показывал на телефоне кусок схватки, начиная с того места, где Руслан терял равновесие. Две девушки спорили, кто первым бросил стакан. Его, к слову, сдул ветер, но свидетели уже сочинили ему отдельную биографию.

— Все отойдите от часов, пожалуйста, — сказала Ольга. — Кофейня работает. За просмотр дополнительных повреждений имущества вход платный.

Пожилой любитель эспрессо поднял руку.

— А тем, кто уже видел первую серию, скидка будет?

— Только на кофе.

Он направился к стойке с видом человека, которому предложили выгодную сделку. Остальные постепенно вернулись к столикам. Бариста убрал оставшийся разорванный мешок. Дорожка к воротам освободилась, но в арке стояли двое новых посетителей и делали вид, будто выбирают свободное место. Я запомнил их лица, хотя ни один не походил на людей Ратникова.

Ольга принесла снятую чугунную накладку, завернув её в полотенце. Из толстого края при движении по-прежнему доносился слабый стук. Сама стойка осталась на брусчатке, рядом с клумбой. После попытки сдвинуть её по камню шла свежая царапина. Михей сидел над цветами, насупившись, и следил за нашими руками.

Телефон в кармане коротко завибрировал. Женя из мастерской сообщил, что на вечер освободилась оплачиваемая подработка: клиент готов был доплатить за машину, если кто-нибудь возьмётся за неё после основной смены. Начальник велел ответить до девяти. Я написал, что загляну, когда закончу с часами. По опыту последних дней с такими обещаниями стоило обращаться осторожнее, но дополнительный заработок сам себя в карман не положит.

— Вас ждут? — заметила Ольга.

— На работе ещё одно дело. Пока успеваю.

— Тогда откроем без театра, — сказала она. — Представление Ратников уже организовал.

— Скажите сразу, что будете делать, — потребовала Ольга.

— Проверю открытую часть. Если там пусто, остановимся. Вы решите, стоит ли трогать остальное.

— Договорились. И никаких внезапных находок у вас в кармане.

— Можете карманы проверить. Только сначала предупреждайте: там мелочь, ключи и обёртка от батончика. У последней сложная судьба.

Ольга не улыбнулась. Я перестал изображать весельчака и посветил телефоном на тёмную полосу, оставшуюся под накладкой. Железо было испачкано старой краской, а у внутреннего края виднелась тонкая щель. Когда я осторожно нажал на выступ, часть стенки поддалась. Не развалилась, не осыпалась — слегка отошла от основания, будто её когда-то специально сделали съёмной.

— Видите? — спросил я.

— Вижу. Открывайте.

Я взялся пальцами за край и отогнул небольшую внутреннюю дверцу. Она оказалась тяжёлой, но двинулась без борьбы. Внутри лежал свёрток из потемневшей ткани, плоская жестяная коробочка и что-то круглое, тускло блеснувшее в свете телефона.

Ольга резко выдохнула.

— Боже мой. Это что?

— Пока вижу металл и старую тряпку. Давайте на стол, чтобы не перепутать находку с мусором.

— Стол мой, — напомнила она. — И всё, что вы достанете, тоже.

— Именно поэтому я здесь, а не в такси с вашим основанием.

Она позвала бариста и велела принести чистый поднос. Тот появился с подносом, двумя бумажными салфетками и таким лицом, словно после потасовки его назначили хранителем государственной казны. Михей спрыгнул с клумбы. Он приблизился к моей руке, принюхался к открытой полости и ткнул пальцем в чугун.

— Здесь спали тихо, — буркнул дворовой. — А сегодня опять скребёте.

— Хозяйка разрешила.

— Она разрешает, а мне потом пыль глотать.

— Мы уже убрали то, что рассыпали.

— Вы убрали крупное. Мелкое осталось.

— Я слышу, — сказал я и отодвинул руку. — Когда закончим, посмотрим, что ещё мешает твоей клумбе.

Михей не дал никакого согласия. Он отошёл к воротной цепи и уселся там на корточки. Для него чужая находка, похоже, стоила меньше горсти чистой земли.

Я вынул тканевый свёрток и положил на поднос. Ольга сама развернула его. Из складок высыпались серебряные монеты: несколько крупных, множество меньших, тёмных по краям и светлых на выступающих рисунках. Они звякнули так звонко, что бариста невольно вытянул шею.

Одна монета покатилась к краю подноса. Ольга поймала её кончиком пальца и передвинула к остальным. Я заметил разные размеры и стёртые лица на аверсах, но никаких выводов о происхождении не делал. По одной россыпи нельзя было узнать, кто и когда сложил её в чугун. Для оценки хватило бы дневного света и специалиста, способного отличить редкую вещь от красивой легенды.

— Серебро? — спросила Ольга.

— Похоже. Без Фёдора цену не назову. Но старую фольгу так обычно не прячут.

Я достал жестяную коробку. В ней оказались карманные часы на короткой цепочке. Стекло цело, стрелки замерли, крышка потеряла блеск. По внутренней стороне шла неглубокая гравировка. Я повернул часы к свету и передал Ольге, не раскрывая ладони до тех пор, пока она не взяла их обеими руками.

Она прочитала надпись и побледнела.

— «П. Крестову. На открытие». Это деду, — сказала она. — Петру Крестову. Он открыл здесь первую кофейню. Отец часто рассказывал, как дед носил часы на цепочке, даже когда перешёл на наручные.

— Почему не забрал их из тайника?

— А я откуда знаю? — Она подняла глаза. — Он умер задолго до того, как отец поставил эти большие часы. Может, отец их спрятал. Может, кто-то другой. В семье о тайнике никто не говорил.

Она поднесла карманные часы к старой фотографии на экране телефона. Там её отец стоял у большой стойки и смотрел прямо в объектив. На снимке не было карманных часов, зато лицо мужчины вдруг перестало казаться мне чужим. Ольга провела пальцем по надписи и отвернулась от посетителей.

— Всё нормально? — спросил я.

— Я сорок лет хожу мимо этих часов. И они всё время держали дедовы вещи. Вот это ненормально.

Она провела ногтем по знакомым буквам.

— Когда отец уставал, он садился возле часов с кофе и говорил, что дед умел возвращаться домой вовремя даже без исправного механизма. А он сам вечно задерживается. Я думала, обычная семейная шутка. Теперь вспоминаю и не понимаю, что он знал про этот тайник.

— Возможно, ничего, — сказал я. — Отец мог беречь часы из-за семейных воспоминаний, не зная о серебре.

— Это вы меня успокаиваете?

— Пытаюсь не выдать догадку за воспоминание вашего отца.

Ольга посмотрела на меня с явным облегчением. И сразу нахмурилась: ей не нравилось, что облегчение зависит от слов чужого человека.

Я дал ей минуту. Деньги, упрятанные в железе, привлекают меня по профессии. Человеку, который узнаёт семейную надпись, нужно немного другое время. За моей спиной звякали чашки, кто-то заказывал десерт, по улице проехал автобус. Город никак не изменился от того, что в одном дворе нашлось чужое прошлое.

— Там ещё что-то есть, — сказала Ольга наконец.

Я проверил полость при ней. В самом углу лежали две небольшие вещицы. Одну обернули в бумагу; другая находилась в узком тёмно-синем бархатном футляре, потёртом по сгибу. Когда я раскрыл бумагу, на ладонь легла старинная запонка с тёмным камнем. Вторая, похожая по размеру, лежала отдельно в футляре. Камень у неё был светлее, а с обратной стороны виднелась крохотная насечка. Пара выглядела нарядной и явно пережила несколько смен владельцев.

— И это дедово? — спросил бариста, забыв о своей работе.

— Откуда мне знать? — ответила Ольга. — Может, семейное, может, чужое. Пока никто ничего не уносит.

Она положила бумажную запонку рядом с часами. Футляр закрыла и оставила возле подноса. Монеты остались на салфетке, карманные часы — в её руках. Я показал на открытый отсек: там больше ничего не было. Ни загадочных символов, ни тайной инструкции для следующего клада, ни обещания скорого богатства. Железная полость, тряпка, монеты, часы и две запонки. У каждой вещи был вес, край и место на подносе.

Ольга попросила бариста закрыть двор на десять минут для новых заказов и предупредить гостей, что проход свободен, а столик с находкой трогать нельзя. Он посмотрел на серебро, на свою рабочую футболку и спросил:

— А охранять это мне с полотенцем?

— Сначала охраняйте кофемашину, — ответила она. — Серебро оттуда пока не убежало.

Гости отреагировали куда спокойнее, чем я ожидал. У одного мужчины зазвонил телефон, ребёнок попросил мороженое, за соседним столиком обсуждали завтрашний дождь. Кобрин был хорошо натренирован не останавливать жизнь из-за чужого счастья.

— Значит, нашлось, — сказала Ольга. — И всё моё?

— Вещи лежали в ваших часах на вашей земле. Разбираться с историей семьи вы будете сами. Я свою часть работы сделал.

— Вы не спросите, сколько это стоит?

— Спрошу у Фёдора, если вы захотите оценку. А моя оплата у нас уже оговорена.

— Восемнадцать тысяч, — произнесла она. — Помню. Переведу после того, как всё будет спокойно.

Я кивнул. После визита Ратникова слово «спокойно» звучало слишком самонадеянно, но Ольга уже придвинулась к семейным часам. Спорить было не время.

У ворот послышался весёлый голос:

— Ого. Так вы действительно что-то нашли!

Я обернулся. Между столиками пробирался молодой человек в синем шарфе. Тот самый, которого я видел возле часов после встречи на набережной. Сегодня на нём была светлая куртка, а на лице — открытая улыбка человека, уверенного, что его здесь ждут. Никто его не приглашал.

— Поздновато для экскурсии, — сказал я.

— Я за кофе, — ответил он. — А тут такие события. Нельзя же пройти мимо.

Ольга закрыла ладонью карманные часы.

— Проходить мимо вам как раз рекомендую. Возле моего имущества у вас уже были дела.

Парень чуть склонил голову.

— Данила. Если удобнее по имени. Я коллекционные вещи иногда оцениваю. По запонкам могу подсказать, стоит ли платить настоящему специалисту.

— А вашу квалификацию чем подтвердите? — спросил я.

— Тем, что знаю, на что смотреть.

— Это доступно даже тем, кто заглядывает в чужие окна.

Он усмехнулся, но к подносу подошёл ещё на шаг. Ольга не отступила. За её спиной бариста убрал пустую посуду со свободного столика и встал так, чтобы проход между кофемашиной и двором остался открытым. Я заметил, как Данила оценил расстояние от подноса до арки. Проверять его благие намерения словами было бессмысленно.

— Руки держите при себе, — предупредила Ольга. — Покупателей я не звала, оценка мне пока не нужна.

— Да я и не покупаю, — сказал Данила. — Просто вижу редкий камень. Можно хотя бы разглядеть?

Он показал на запонку в бумаге, оставленную около карманных часов. Её тёмный камень на свету отливал синим. Я взял вещицу за край салфетки и слегка приподнял, не отдавая ему. Данила наклонился ближе. У него на пальцах не было перчаток, и большой палец правой руки нервно тёр край куртки.

— Вы вчера ведь были здесь? — спросила Ольга.

— Я по городу много хожу.

— А за часами смотрите чаще, чем на дорогу.

Парень сделал вид, что не услышал. Он с трудом удерживал любезное выражение лица. Если бы действительно разбирался в ювелирных изделиях, наверняка сперва попросил бы лупу или хотя бы свет. Вместо этого он всё время посматривал на футляр, словно там находилась выручка за целую ночь.

Я сдвинул поднос ближе к хозяйке. Данила переступил с ноги на ногу.

— Хорошая работа, — сказал он. — А в футляре такая же?

— С похожим креплением, — ответил я. — Этого достаточно.

— Там может быть маркировка мастерской. Если показать изнанку, я сразу пойму.

— Вы уже увидели больше, чем разрешила хозяйка.

Он поднял обе ладони, изображая полную капитуляцию. Я положил бумажную запонку к Ольге. Данила опёрся на край соседнего столика, словно собирался уйти, и вдруг шагнул между нами.

Рука у него оказалась быстрая. Он ухватил запонку прямо с салфетки. Я перехватил его запястье прежде, чем драгоценность исчезла в рукаве. Он рванулся, ударил меня плечом, но я удержал кисть над столом. Запонка выскользнула из пальцев и упала на поднос. Ольга накрыла её ладонью.

— Вы совсем обнаглели? — спросила она.

— Отпусти! — Данила перестал улыбаться. — Я ничего не взял!

— Сейчас действительно ничего. Продолжай в том же духе.

Он попытался наступить мне на ногу. Я отставил ботинок и прижал его руку к своему предплечью. Жёстко, без красивых приёмов. Меня интересовали его пальцы, а не желание произвести впечатление на публику. Данила вывернул голову к воротам и выкрикнул:

— Глеб!

Слева мелькнула знакомая фигура. Глеб, ещё недавно жаловавшийся на плечо после стычки, вернулся через арку без Ратникова. На нём была расстёгнутая тёмная куртка. Он прошёл мимо девушки с подносом так резко, что она отскочила к стене. Пока я держал Данилу, Глеб схватил с края стола бархатный футляр.

— Эй! — крикнула Ольга.

Глеб сунул футляр в кулак и пошёл к выходу. На его пути оказался бариста. Работник успел только поднять руки, прежде чем Глеб толкнул его к пустому стулу. Тот сел слишком быстро, стул прокатился по камню и уткнулся в цветочную кадку. Бариста посмотрел на своё новое место с искренним недоумением.

Кто-то из посетителей резко отодвинул столик, уступая проход. Ножка задела пустой стакан, и тот с громким треском лопнул под каблуком Глеба. Стаканчик был картонный; грохот устроила крышка, ударившаяся о металлическую ножку. Глеб дёрнулся на звук, и на секунду я увидел футляр целиком. Бархат был тёмно-синий, почти чёрный, с потёртым уголком. Никакого ворона на нём не было. Я хотел запомнить это на случай, если вор попытается потом убедить меня, будто забрал другую вещь.

Я выпустил Данилу и бросился вслед за Глебом. За спиной Ольга велела бариста унести поднос с оставшимися ценностями внутрь кофейни и не отпускать его из рук. Монеты, карманные часы и запонка в бумаге оставались у неё. Разбираться с тем, что ещё могут украсть, ей пришлось быстрее, чем мне догонять вора.

Глеб срезал угол между столиками. Я перепрыгнул край скамьи и догнал его у клумбы. Он развернулся, но я не полез под замах: толкнул пустой стул поперёк дорожки и заставил его переступить через ножки. На этом шаге удалось прижать его к стене и добраться до кулака с футляром. Глеб от боли в плече поморщился, затем впечатал колено мне в бедро, вывернулся и побежал к арке.

— Отдай! — заорал я.

— Догони!

Старый способ переговоров. Никаких юристов и обещаний благоустройства. Даже понравился бы, если бы предмет принадлежал ему.

Данила рванул вслед за нами, обходя посетителей. Мужчина с чашкой замер посреди дорожки, никак не решив, уступить проход или закончить съёмку. Его телефон опустился только тогда, когда Глеб задел плечом край навеса. Над входом качнулась лёгкая вывеска. Две женщины одновременно шагнули в разные стороны и каким-то чудом оказались на одной траектории.

У ворот звякнула цепь.

Михей поднялся из-за клумбы. Он смотрел на людей, несущихся к его арке, и на сдвинутые стулья. В его глазах я прочёл оценку наших манер: все заслуживали выставления за дверь. Но теперь дверь решила возразить.

Глеб добежал до стены с выцветшей рекламой мороженого, повернул вправо и вдруг остановился. Перед ним снова была та же клумба, хотя до арки оставалось несколько шагов. Он мотнул головой. Данила, который бежал следом, попытался обойти его слева и тоже вернулся к стойке с часами. Столы никуда не исчезли. Стена оставалась стеной. Путавшийся проход выглядел обычным, пока человек пытался выбрать направление.

Я уже сталкивался с подобными фокусами. Дворовой заворачивал восприятие пути внутри своей территории. Человек шёл за привычным выходом и несколько шагов принимал

двор за продолжение арки. С улицы такого зрелища никто бы не увидел: там всё ещё был прямой въезд, по которому проходили люди.

— Михей, хватит! — крикнул я.

— Сами бегаете! — ответил он. — Ворота мои!

— У Ольги запонку крадут!

— А у меня цветы топчут!

Глеб воспользовался нашим обменом мнениями и метнулся вдоль стены. Я последовал за ним, держась рукой за кирпичи: знакомый способ не доверять картинке, если место старается сбить с дороги. Слишком поздно заметил, что Данила пошёл следом за моей спиной. Он больше не пытался вернуться к часам. Ему нужен был Глеб.

У самого проёма Глеб резко обернулся. Я успел увидеть его кулак, но не заметил ступню, выставленную поперёк дорожки. Споткнулся, ударился боком о стену и едва удержался на ногах. Глеб схватил меня за ворот куртки. Мы сцепились, и на мгновение футляр мелькнул между нашими локтями.

— Отпусти меня, псих! — прошипел он.

— Сначала верни чужое.

Данила появился у нас сбоку. Я ожидал удара, но он сунул руку между нами. Глеб на секунду ослабил хватку и вложил бархатный футляр ему в ладонь. Данила сжал пальцы, сразу развернулся и побежал к арке. Один держал меня за ворот, другой уже уносил маленькую вещь, ради которой мы успели устроить такое представление.

— Данила! — рявкнул я.

Он вздрогнул, прижал кулак к груди и бросился к светлому прямоугольнику выхода. На этот раз прошёл. Возможно, Михей уже прекратил путать дорогу. Возможно, парень просто выбрал верное направление. Я видел лишь его синюю полоску шарфа в нескольких шагах от арки.

Глеб ударил меня лбом в щёку. Перед глазами вспыхнуло белое пятно. Я оттолкнул его предплечьем, ответил коротким ударом в корпус и заставил отпустить воротник. Он согнулся, но не упал. Пальцы ещё цеплялись за мою куртку. Пришлось резко отвернуться, оставив ему пару ниток и собственную уверенность в победе.

Я вышел из путаного прохода к обычной стене, нащупал ладонью холодный кирпич и сделал несколько шагов в сторону улицы. Двор остался за спиной. Впереди шумели машины, звякал велосипедный звонок, прохожие обходили рекламную стойку. Данила уже пересёк тротуар и быстро уходил к пешеходной улице, придерживая карман куртки.

Я мог вернуться к Ольге и проверить, что осталось на подносе. Мог стоять у арки и ругаться с Михеем. Мог кинуться за Глебом, который всё ещё кашлял у стены. Все три занятия выглядели разумно для человека, у которого свободный вечер. Только у Данилы в руках был футляр с чужой вещью.

Я обернулся в сторону двора. Ольга стояла у двери кофейни. За её спиной бариста держал поднос, заслоняя его от чужих рук. Я различил карманные часы на салфетке и серебряные монеты рядом. Ольга коротко кивнула: остальное у неё. Вторая запонка оставалась вместе с находкой.

На пороге Михей дёрнул воротную цепь. Она гулко звякнула, и он исчез за своей клумбой. Никакого желания продолжать знакомство с беглецами за пределами двора у него не возникло. В его мире граница проходила там, где кончался камень арки.

Синий шарф уже исчезал за поворотом. Ратников оставил монеты, часы и вторую запонку. Его люди вырвали один маленький футляр, ради которого снова полезли в драку. Если бы им требовалась только стоимость серебра, логика поступка получалась странной. Я пока понятия не имел, что именно они надеются продать и кому.

В кармане опять завибрировал телефон. Женя напомнил про обещанную вечернюю подработку: бокс скоро закрывается, а клиент не терпит опозданий. Я набрал короткое «иду позже» и тут же понял, что выбрал неправильного адресата для такого сообщения. Начальник терпеть не мог обещаний без времени. Но перед глазами у меня уже мелькал синий шарф, и чужая запонка уходила вместе с ним.

Данила свернул за угол пешеходной улицы. Я прибавил шаг и вышел из арки. До вечерней подработки оставалось совсем немного времени. За следующей витриной мелькнул синий шарф. Отложить погоню означало снова оставить Ольгу без запонки; отложить работу — подвести Женю. Шарф исчезал за поворотом.

Глава 6. Выход на свет

Данила растворялся в толпе так, словно за каждый обманутый взгляд ему доплачивали. Я же выглядел человеком, который только что подрался в кофейне, задел щекой кирпичную стену и теперь собирался исправить впечатление второй дракой. У прохожих имелись основания держаться от меня подальше.

Он нырнул между двумя женщинами с пакетами, обогнул выставленную возле кондитерской тележку и выскочил на широкую пешеходную улицу. Я следовал за ним, стараясь никого не сбить. После Михея это казалось особенно разумным: за чужие клумбы мне уже предъявили счёт, пусть пока и устный.

— Данила! — крикнул я.

Он даже не повернулся. Синий шарф мелькнул над плечом мужчины в пуховике и исчез за компанией подростков. Те остановились посреди улицы, рассматривая фотографию на телефоне. Я протиснулся между ними и услышал в спину:

— Дядь, у вас кровь!

— Не моя заслуга, — бросил я.

Щека ныла, но гораздо сильнее раздражало, что футляр у Данилы, а я всё ещё бегу с пустыми руками. Ольга осталась во дворе с серебром, семейными часами и второй запонкой. За это можно было не беспокоиться ровно до следующего появления людей Ратникова. Я видел, как она велела убрать поднос внутрь, и знал, что хозяйка способна поставить любого самозваного оценщика на место.

Впереди светились витрины магазинов. На скамейках сидели покупатели с бумажными стаканчиками, ребёнок уговаривал отца купить ему огромного плюшевого гуся. Музыкант у фонаря играл на гитаре что-то бодрое и сбился, когда Данила резко свернул прямо перед его раскрытым футляром для денег.

— Осторожнее, чемпион! — крикнул музыкант.

— Запишите его в должники, — посоветовал я, перепрыгивая через свернувшийся кабель.

Никто из нас не выглядел героем вечера. Гитарист проводил меня взглядом человека, который только что увидел, как его бесплатный концерт превращают в цирк без согласования.

У стеклянной двери небольшого книжного магазина продавщица выставляла наружу корзину с уценёнными романами. Данила прошёл от неё в каком-то полуметре и едва не снёс корзину. Девушка успела оттащить её назад. Меня она встретила уже настороженно:

— Вы тоже бегом?

— Смотря что продаёте.

— У нас книги.

— Тогда сегодня без меня. Я и без литературы вляпался в приключения.

Она закрыла дверь ровно в тот момент, когда я проскочил мимо. После этого на улице появилось ещё одно недовольное лицо. Такое начало вечера трудно было назвать удачной рекламой кладоискательства.

Данила прижал левую руку к груди. Футляр находился под курткой. Правой рукой он расталкивал прохожих, выбирая места, где можно проскочить боком. Догонять его по прямой было бессмысленно: парень легче и заметно свежее. Я свернул к ряду цветочных павильонов, прошёл вдоль стеклянных витрин и оказался чуть впереди, у поперечного прохода к площади.

Когда синий шарф показался из-за палатки с пирожками, я шагнул навстречу.

— Верни вещь. Чужую, между прочим.

Он затормозил так резко, что женщина с коробкой торта едва не уронила покупку.

— Ты совсем больной? — выдохнул Данила. — Отвяжись!

— Могу отвязаться после возврата. Условия выгодные.

Он бросил взгляд через моё плечо. Я обернулся лишь на мгновение, но этого хватило: парень сунулся в щель между мной и витриной, зацепил плечом стенд с открытками и вывернулся на площадь. Открытки посыпались под ноги. Я поймал стойку, пока она не рухнула на пожилую покупательницу.

— Ваш знакомый? — спросила она с нехорошим интересом.

— К сожалению, ещё знакомимся.

— Тогда познакомьтесь где-нибудь подальше.

Её пожелание было справедливым. Я поставил стенд на место и потерял ещё несколько секунд. Впереди Данила уже спускался по ступеням широкой лестницы. Ступени были невысокие, по краям горели лампы. За лестницей располагался выход к улице, где разрешалось движение машин.

Я сразу понял, почему он выбрал этот путь. Дальше можно было уехать.

Данила держался за левый бок куртки, где прятал футляр, и ни разу не полез во второй карман. Коробочка с вороном могла оставаться у него, но увидеть её сквозь куртку я не мог. Данила обходился обычными городскими уловками. Парень знал место встречи и рассчитывал успеть к машине раньше меня. Эта простая мысль раздражала сильнее всего: у меня имелся опыт столкновений с упырями, а обычный курьер обыгрывал меня на знакомой городской улице. Кобрин прекрасно приспособлен для бегства без волшебства: автобус, такси, чужая машина, любой транспорт с водителем, которому заранее заплатили. И ни одного дворового, готового вывернуть знакомую дорожку обратно к клумбе.

Михей остался за аркой «Листвы». Его цепь сюда не дотягивалась. Я на секунду представил, что было бы с характером дворового, если бы кто-то предложил ему защищать всю пешеходную улицу. Потом выбросил эту мысль из головы и побежал быстрее.

На последней ступени Данила оглянулся. По лицу его было ясно: он заметил, что я не отстал. Вместо того чтобы бежать к остановке, он свернул вправо, к короткому проезду между аптекой и магазином спортивной одежды. Там у бордюра стоял бортовой грузовик. Небольшой, серый, с белой царапиной вдоль правого борта.

Эту царапину я видел ночью у кофейни, когда водитель в серой кепке уверял Ольгу, что ему велели забрать часы. Чужих одинаковых царапин в городе наверняка хватает, но за рулём сидел тот же мужчина. Кепку он тоже не сменил.

Данила замедлился возле кабины. Я был достаточно близко, чтобы различить движение рук: парень извлёк из-под куртки тёмно-синий футляр и просунул его в открытое окно. Водитель забрал вещь. Не рассмотрел её на свету, не открыл. Просто положил куда-то справа от себя, ниже рамы окна.

Я видел передачу. Что они друг другу сказали, не услышал: между нами прорычал мотоцикл, выезжавший с соседней стоянки. Данила что-то выкрикнул водителю, а тот ответил движением головы. Это было всё, что я мог честно рассказать потом Ольге.

— Стой! — крикнул я, прибавляя шаг.

Водитель захлопнул окно и потянулся к рычагу передачи. Данила отскочил от кабины. В этот момент между мной и грузовиком вырос мужчина в чёрной куртке. Слишком широкий для случайного прохожего, с короткой стрижкой и лицом человека, которому поручили решить простую задачу без лишних разговоров.

— Дальше нельзя, — сказал он.

— Здесь тротуар. Он для ходьбы и устроен.

— Машина разгружается.

— Тогда пусть разгружает чужую запонку обратно.

Мужчина не рассмеялся. Он сделал шаг в мою сторону и упёрся ладонью мне в грудь. За его спиной грузовик дёрнулся с места. Я попытался обойти охранника справа, но тот перекрыл

дорогу плечом. Данила уже уходил по проезду к аптеке, продолжая держаться за пустой теперь карман.

Грузовик заслонял дорогу, и я слышал, как водитель уже давит на сигнал. Под колёса лезть было бессмысленно. Я отступил на тротуар, чтобы видеть руки человека, стоявшего передо мной.

— Убери руку.

— Уходи, — ответил охранник и толкнул сильнее.

У выхода из спортивного магазина остановилась семейная пара. Мужчина держал в руках коробку с кроссовками, женщина — стакан лимонада. Я успел отодвинуть их в сторону жестом, прежде чем здоровяк снова пошёл на меня. Он вообще не заботился о том, кто стоял рядом. Его работа заключалась в том, чтобы удержать меня возле аптеки, пока грузовик не отъедет. Догадка подтверждалась каждым его шагом, но выверить время по секундомеру мне было некогда.

Я отступил на полшага. Он решил, что этого достаточно, и потянулся схватить меня за куртку. Ошибка вышла простая. Я сбил его ладонь локтем, шагнул сбоку и коротко ударил в солнечное сплетение. Мужчина согнулся, но тут же врезал мне снизу в бок. Воздуха стало заметно меньше. Я ухватил его за рукав, развернул к стене аптеки, и мы ударились о пластиковый рекламный щит.

Щит жалобно затрещал. Из дверей аптеки высунулась женщина в белом халате.

— Вы с ума сошли? Тут люди ходят!

— Я как раз пытаюсь пройти, — ответил я.

Охранник заломил мне запястье. Я вывернулся, ударил его коленом по бедру и почувствовал, как хватка ослабла. Он был сильнее и тяжелее, зато плохо переносил, когда я не стоял перед ним по стойке смирно. Мы сдвинулись к рекламной тумбе, вокруг которой уже собирались любопытные.

— Снимай! — предложил кому-то молодой голос.

— Сами снимайтесь! — рявкнула аптекарша. — Вы мне дверь загораживаете!

Отличное замечание. У неё были свои покупатели, у меня — чужая запонка, у охранника — желание не пустить меня к грузовику. Каждый занимался делом, но тротуар на всех закончился.

За спиной охранника водитель резко выкрутил руль и вывел машину из проезда к основной дороге. У грузовика не было нужды торопиться по пешеходной зоне: он уже стоял за её границей. Я видел белую царапину на борту, пока машина не скрылась за автобусом. Одна запонка уехала. Никакая победа над человеком в чёрной куртке теперь её не возвращала.

— Успел? — спросил охранник, заметив, куда я смотрю.

— Ты? Поздравляю. Можешь получить премию за охрану тротуара.

Он показал зубы. Левую руку держал у груди, правой потянулся к короткому ремню на поясе. Я не стал дожидаться, что он собирается оттуда достать. Вцепился в ворот его куртки и рванул вниз, одновременно подставив ступню. Мужчина потерял равновесие, упёрся плечом в тумбу и выругался так обстоятельно, что парень с телефоном уважительно присвистнул.

Из бокового кармана охранника выскользнул небольшой тканевый мешок. Он хлопнулся о тротуар. Горловина раскрылась, по плитке рассыпались металлические обломки: потемневшее зубчатое колесо, два коротких стержня и куски старого литого обода. Я успел заметить на одном обломке чёрную краску, похожую на покрытие часов во дворе Ольги.

Охранник первым потянулся к мешку. Я наступил на его край, удерживая ткань подошвой.

— Что ещё успели прихватить?

— Мусор. Наш. Убери ногу.

— Хорошо у вас с мусором. До ювелирки недалеко.

Он ударил меня кулаком по предплечью. Я отдёрнул руку, но ногу не убрал. Охранник резко распрямился, подхватил с земли целую горсть обломков и швырнул их в мою сторону. Не в голову — под ноги. Железо зазвенело по плитке, покатилось к прохожим. Молодая женщина отскочила, удержав за руку мальчика. Кто-то громко выругался.

Я инстинктивно шагнул, чтобы не наступить на ребёнка, и на секунду выпустил охранника из-под контроля.

Мальчик присел и потянулся за блестящим колёсиком. Мать отдёрнула его руку.

— Нельзя! Грязное!

— И чужое, — добавил я, хотя за право назвать его чужим ещё следовало разобраться.

Подошва заскользила по плитке. Я еле сохранил равновесие, ухватившись за край рекламной тумбы. Теперь у охранника было несколько шагов преимущества. Он не пытался ударить меня снова. От драки ему требовался только мой проигрыш по времени, и этого он уже добился. Он вырвал пустеющий мешок из-под подошвы, бросил его вслед обломкам и побежал между припаркованными автомобилями. Догонять его через людей, которым мы уже устроили бесплатный аттракцион, я не стал. Водитель ушёл, Данилы поблизости тоже не было. Противник бросил железо ради свободных ног.

Аптекарша вышла на улицу и встала передо мной, сложив руки на груди.

— Кто будет это убирать?

— Я, — ответил я.

— А щит?

На рекламной тумбе зиял треснувший пластиковый угол. Беглецы собирали долги с малого бизнеса без всяких счетов и расписок.

— Если повреждён, договоримся с владельцем. Сейчас соберу железо, чтобы никто не порезался.

— Вот с этого и надо было начинать.

Она скрылась за дверью, но продолжила наблюдать через стекло. Я собрал куски у бордюра. Металл холодил ладони, на ржавых кромках белели свежие сколы. На одном фрагменте оставалось отверстие с тёмной старой краской. Я не мог уверенно сказать, от тех ли это часов. Зато охранник рисковал ради мешка достаточно, чтобы вопрос стоил нескольких минут.

Мужчина с пакетом из продуктового магазина протянул мне выпавшее колесо.

— Ваше?

— Надеюсь, нет.

— Если это детали машины, я бы на такой не поехал.

— Хороший принцип. Я тоже стараюсь.

Он кивнул и пошёл дальше. Из магазина вышла женщина с букетом, осторожно обошла кучку железа. Жизнь быстро возвращалась в обычное русло. Ещё недавно вокруг меня кричали, а теперь люди спешили домой, выбирали сладости, ругались из-за парковки. Для них я был очередным дураком, который подрался у аптеки. Для Ольги — человеком, который обещал защищать её имущество и проиграл доставку одной запонки.

Я достал телефон. На экране висело три сообщения от Жени. Первое напоминало о подработке, второе требовало определённого времени приезда, третье было коротким: «Клиент ждёт. Ты где?» Я перевёл взгляд на часы в верхнем углу экрана. Отвечать «почти рядом» уже было бы издевательством.

Набрал: «Задержался. Еду. Если не поздно — возьму заказ».

Женя прочёл сообщение, но не ответил. Эта пауза мне не понравилась больше, чем недавняя встреча с охранником. Отрицательный ответ хотя бы можно было посчитать. Молчание оставляло место надежде, а та часто обходится дороже.

Ольга ответила на звонок сразу.

— Нашли?

— Футляр ушёл на грузовике. Я видел, как Данила передал его водителю. Машина та самая, с царапиной на борту. Одну вещь пока потеряли.

Несколько секунд она молчала. На заднем плане звякнула посуда и кто-то попросил два капучино навынос.

— А вы где?

— У аптеки, возле выхода с пешеходной улицы. Здесь остались детали старого механизма. Похоже на наши часы, но без вас не буду утверждать.

— Никуда не несите. И сами больше не бегайте за теми, кто вас бьёт. Я сейчас подойду.

— У вас кофейня работает.

— Кофейня работала и до вашего появления. Бариста справится. Я пойду с соседом, у него своё заведение рядом, он уже слышал шум.

Она отключилась, не спросив моего мнения. Это было полезное свойство Ольги: решения о собственных вещах она принимала без голосования.

Я дождался их возле аптеки. К тому времени толпа разошлась, а женщина за стеклом продолжала поглядывать на треснувший рекламный щит. Ольга пришла быстрым шагом. Рядом шёл плотный мужчина в тёмном фартуке под распахнутой курткой. На тёмной ткани белели две неровные полоски муки.

— Саша, — представила его Ольга. — Держит кофейню за углом. Видел, как Ратников в прошлом месяце приставал к его вывеске.

— Предлагал обновить фасад, — сказал Саша. — Я предложил ему обновить манеры. Переговоры зашли в тупик.

С ним я согласился без долгих пояснений. Ольга присела рядом с кучкой металла, взяла один фрагмент за край и повернула к свету вывески. Молчала довольно долго.

— Похоже на куски от основания наших часов, — сказала она. — Та же старая краска и скол. Но я не механик и ручаться не буду.

— И я не стану, — ответил я. — Охранник Ратникова выбросил всё это, чтобы сбежать.

Саша вынул из кармана чистый пакет для выпечки, развернул и протянул хозяйке.

— Держи. На кухне такого добра полно.

— Саша, спасибо. Только хлеб потом в этом не носи.

— После железа даже сухари не рискну.

Ольга сложила обломки в пакет сама. Я не трогал её находку без необходимости. У нас и так накопилось достаточно неприятностей из-за людей, которые считали чужие вещи бесхозными. Саша поднял последнее колесо, укатившееся к бордюру, и передал ей. В пакет ушли только найденные на тротуаре куски. Футляр и запонка оставались у водителя.

— Мои монеты и часы в кофейне, — сказала Ольга, словно прочитав вопрос на моём лице. — Всё закрыто. Вторая запонка там же. Я убрала вещи сама, бариста никого к ним не подпускал.

— Хорошо.

— Хорошо было бы, если бы вы не гонялись за ними до следующего утра. Я вам за находку заплачу, когда закончим с этим безобразием. Но за ваше здоровье не торговалась.

— Я тоже. Мне обычно навязывают дополнительные условия уже после сделки.

— В следующий раз не соглашайтесь.

Пока она говорила, Саша повернулся к аптекарше и пообещал, что с разбитым рекламным щитом разберутся владельцы и виновные. Я попросил женщину оставить контакт и пообещал вернуться к вопросу, если понадобится возместить ущерб. Она посмотрела на мою щёку и сказала, что сначала мне следовало бы приложить к ней что-нибудь холодное. Я поблагодарил и отказался от дальнейшего обсуждения.

Ольга унесла пакет в свою сторону. Саша проводил её до поворота, а мне махнул на прощание.

До мастерской я ехал на такси. Пока водитель ждал зелёного света на перекрёстках, я подсчитывал, насколько дорогой вышла погоня. За поездку приложение уже обещало забрать с меня четыреста шестьдесят рублей. Водитель, заметив щёку в зеркале, спросил, не нужна ли остановка возле круглосуточной аптеки. Я сказал, что одной аптеки на сегодня вполне достаточно, и он больше не задавал вопросов.

Пока мы стояли перед светофором, мне пришло ещё одно сообщение от Ольги: короткая фотография закрытого подноса на внутреннем столе кофейни. Я узнал дедовы карманные часы и свёрток с монетами. Фотография не была доказательством безопасности на все времена, зато показывала: хозяйка не сидела сложа руки, пока я гонялся за синей полосой шарфа. Она распорядилась находкой сама и дала мне знать лишь то, что считала нужным.

В мастерскую я добрался позже обещанного и продолжал считать потери. Сначала чужая запонка. Потом щит у аптеки, если его придётся оплачивать. И наконец подработка, на которую Женя так и не ответил.

Когда я вошёл в бокс, основной свет уже выключали. Две машины стояли у дальней стены. Женя закрывал ящик с инструментами, а возле стойки клиент раздражённо теребил ремешок часов на руке. На меня оба посмотрели одинаково. Взгляд означал, что шутить сейчас бесполезно.

— Опоздал, — сказал Женя.

— Вижу.

— Заказ уже взял другой мастер. Клиент ждал, потом сказал, что хочет машину сегодня, а не красивую историю завтра. Я ему пообещал людей, которые приходят вовремя.

— Могу помочь закончить.

— Не за те деньги. Шесть тысяч за вечерний заказ ты потерял. Завтра будешь на своей обычной смене. И на этот раз без срочных приключений между боксом и выходом.

Шесть тысяч рублей. Деньги, которых ещё утром у меня не было, но вечером они почти лежали на ладони. Я мог бы спорить, объяснять, рассказывать про украденное серебро и внезапную встречу с чужим охранником. Только Женя ни в одной из этих историй не участвовал. Он обещал клиенту работающего мастера, а получил сообщение «еду» после того, как работа должна была начаться.

— Ты прав, — сказал я. — Подвёл.

Женя чуть оттаял. С моего лица, видимо, было легко понять, что вечер вышел содержательным.

— Зачем опять полез? — спросил он.

— У знакомой украли вещь. Пытался вернуть.

— Вернул?

— Пока нет.

— Вот и подумай, сколько тебе за такие попытки платят.

Считать я умел. Обещанные Ольгой восемнадцать тысяч за найденный клад пока на счёт не поступили. Шесть тысяч за сегодняшнюю подработку исчезли окончательно. За повреждённый щит ещё предстояло объясняться, если владелец выставит счёт. Чужая запонка тоже не вернулась. Хороший вечер для человека, привыкшего получать доход от найденного металла.

Женя взял ключи от бокса и кивнул на дверь.

— Иди домой, Артём. Завтра начнёшь с нормальной работы.

На улице было прохладно. Я остановился под фонарём и посмотрел на телефон. Ни Данилы, ни Ратникова там, конечно, не было. Пришло короткое сообщение от Ольги: «Детали убрала. Остальное на месте. Завтра созвонимся».

Я убрал телефон. Данила передал футляр водителю в серой кепке; охранник подсунул мне мешок старого железа, грузовик с царапиной на борту вышел на обычную дорогу. Каждый

выполнил свою часть работы. Неплохая организация. Особенно обидно, когда организовали тебя.

Ольга убрала находку, но запонка осталась у противника. Оплаченный водитель и несколько минут форы оказались сильнее моего желания вернуть её. В следующий раз я хотя бы буду знать, чего ждать от людей Ратникова.

Глава 7. Первый расчёт

Утро началось с человека, который пытался объяснить своему автомобилю, что тот обязан заводиться из уважения к дорогому чехлу на руле. Машина убеждений не разделяла. Я стоял перед открытым капотом, слушал неровную работу двигателя и старательно не трогал вчерашнюю ссадину на щеке. В мастерской пахло горячим маслом и кофе из автомата. По воротам стучал мелкий дождь.

— А если ещё раз газануть? — спросил владелец.

— Тогда двигатель будет стучать громче, а неисправность останется.

Он посмотрел на чехол, словно ждал поддержки. Я попросил выключить двигатель и занялся работой.

Телефон завибрировал как раз когда владелец машины решил помочь мне собственными силами. Он уселся за руль и принялся крутить ключ, хотя я ещё держал свободный провод под капотом.

— Руки от замка!

Мужчина от неожиданности отпустил ключ и нажал на клаксон. Женя выронил из рук тряпку. Из соседнего бокса выглянул слесарь с чашкой, а хитроумный владелец уставился на меня так, словно сигнал подал сам автомобиль.

— Я думал, вы готовы.

— Я готов. Вы пока нет. Выходите отсюда, буду проверять сам.

Пока Женя увлекал любителя самостоятельного ремонта к автомату с кофе, я посмотрел сообщение. Ольга Крестова перевела восемнадцать тысяч рублей за находку и помощь с часами. Вчерашнюю подработку на шесть тысяч уже было не вернуть. Отдельно записал упущенный заработок и убрал телефон. К вечеру у меня ещё могло прибавиться расходов.

Я вышел к боковой двери и набрал Ольгу.

— Получил. Мы в расчёте.

— Именно. И не ждите второй оплаты за те же часы. Мне их ещё обратно в порядок приводить.

— Уговор помню.

— Я сегодня собираюсь к Ершову. С часами и несколькими монетами. Остальное заперто у меня, вторую запонку тоже не понесу. Заедете после работы?

Я оглянулся на бокс. Клиент уже объяснял Жене, что автомобиль слишком нервно реагирует на вмешательство посторонних.

— После смены. Если раньше, меня самого выставят на продажу.

К обеду двигатель заработал ровно. Владелец наконец услышал нормальный звук мотора, радостно включил дворники вместо поворотника и выехал за ворота. Женя вручил мне чай с выражением человека, спасшего отечественный автопром.

— Сегодня без исчезновений?

— До конца смены твой.

— Только это и запишем в заказ-наряде.

Я поднял стакан.

— Вчера она выиграла. Сегодня я хотя бы вышел на работу.

Он фыркнул и пошёл к следующей машине. Вечером я мог заняться поисками: обещанных подработок больше не было. Данила унёс запонку слишком уверенно, чтобы счесть это случайной кражей. После вчерашней погони я хотя бы знал, как его люди отвлекают преследователя и передают добычу. Возвращать серебро за счёт чужой очереди, оплаченного заказа и собственных зубов мне уже расхотелось.

К «Второй полке» я подъехал уже в сумерках. На улице горели вывески, из соседней пекарни тянуло тёплым хлебом.

Внутри Ершов рассматривал серебряный ободок под настольной лампой. Ольга сидела у небольшого столика у окна. Перед ней лежал раскрытый футляр с карманными часами и узкая коробка с несколькими монетами. Она не выпускала их из поля зрения даже тогда, когда потянулась к стакану воды.

— Вы вовремя, — сказала она. — Ершов уже сообщил мне, что дед был человеком с хорошим вкусом и отвратительной привычкой хранить всё в железе.

— Второе утверждение я готов подписать, — ответил я.

Ершов поднял глаза.

— Я говорил о способе хранения, Артём. Про вкус вы придумали сами. Часы хорошие. Гравировка соответствует периоду изготовления, и состояние приличное. Монеты разного выпуска, некоторые интереснее остальных. Точную цену без отдельной оценки и покупателя не назову. Но обычным металлоломом здесь и не пахнет.

— Продавать не собираюсь, — сказала Ольга.

— Я и не уговариваю, — отозвался Фёдор. — У хорошего антиквара есть редкая способность не покупать то, что ему не продают.

Ольга впервые за вечер улыбнулась. Я попросил разрешения посмотреть одну монету. Она сама подала её мне на салфетке. Серебро было тусклым, по ободу шла неровная тёмная полоска. Вещь была настоящей, без намёка на чары.

— Пару запонок вы тоже рассматривали? — спросил Фёдор.

— Одна осталась у меня. Вторую украли. Показывать оставшуюся сегодня не стану.

— Разумно. А теперь посмотрите сюда.

Он достал телефон и повернул экран к нам. На нём было короткое сообщение от неизвестного номера и фотография серебряной запонки на потёртом синем бархате. Рисунок напоминал тот, что я видел в стойке часов, но снимок был сделан сбоку. На обороте предмета светилась узкая насечка.

— Сегодня днём мне предлагали эту вещь, — сказал Ершов. — Принесли лично, без истории происхождения. Я отказался.

— Кто? — спросил я.

— Молодой человек. Светлая куртка, короткие волосы. Не ваш знакомый с шарфом. И очень неприятный спутник, предпочитавший разговаривать за двоих.

— Почему отказали? — спросила Ольга.

Фёдор взглянул на часы с гравировкой.

— Потому что утром вы позвонили и рассказали о похищенной запонке. Я не собираюсь платить человеку, который не может объяснить, почему держит чужую семейную вещь. Даже если он пришёл с красивым футляром.

В дверях звякнул колокольчик. В магазин вошёл широкоплечий мужчина в тёмном пуховике. За его спиной показался парень в светлой куртке, и я узнал его по торопливому взгляду на витрину. Лицо раньше не видел, но оба выглядели так, будто предпочли бы, чтобы разговор о фотографии закончился без свидетелей.

— Вы ещё здесь, — сказал широкий Фёдору. — Хорошо. У нас вопрос по вашему отказу.

— Я отвечал утром. Больше ответ не менялся.

— Мы ведь цену можем обсудить.

Ершов положил телефон экраном вниз.

— Предмет вам продавать нечего. Разговаривать о цене в таком случае удобно, но бессмысленно.

Я встал у края стола. Ольга закрыла футляр с часами и придвинула к себе коробку с монетами. Широкоплечий заметил движение, задержал на ней взгляд, затем посмотрел на мою щёку.

— Тебя где-то уже видел.

— На неудачном рекламном ролике вашей фирмы, — ответил я. — Там люди бегают, а вещи исчезают.

Он усмехнулся без веселья и сделал шаг к столу. Парень остался у двери. За его плечом в магазине появилась пожилая покупательница с пакетом, увидела троих мужчин и осторожно отступила к полке с книгами.

— Дамочка, — сказал широкий, — вы бы вообще не вмешивались в наши деловые вопросы.

Ольга поднялась.

— Это мои часы. И вопрос ко мне вы не задавали.

Фёдор выключил настольную лампу, оставив яркий верхний свет.

— Господа, выйдите. Иначе мне придётся закрыть магазин раньше времени. Покупатели такого не любят.

Широкоплечий потянулся к коробке с монетами. Я перехватил его запястье над краем столика. Он рванул руку, задев локтем подставку с фарфоровой вазой. Ваза качнулась, Ольга подхватила её за горлышко, а я отступил на полшага, чтобы стол остался между нами.

— Убери руки, — процедил он.

— С радостью. Как только уберёшь свои.

Мы разошлись почти одновременно. Парень в светлой куртке дёрнулся к выходу. Пожилая покупательница неожиданно шагнула от книжной полки и громко объявила, что не даст превращать антикварный магазин в базар с бесплатной дракой. У неё оказался голос человека, который много лет командовал школьным классом. Широкоплечий посмотрел на неё, потом на витрину, где с улицы уже заглядывали прохожие.

— Ещё увидимся, — сказал он Фёдору.

— Если принесёте собственную вещь и научитесь здороваться, — ответил Ершов.

Они вышли. Колокольчик прозвенел дважды, совершенно буднично. Никакой погони я не устроил. Запонку у этих двоих я сегодня не видел. Зато увидел, насколько нервно они отнеслись к отказу Фёдора.

Покупательница осмотрела вазу в руках Ольги.

— Целая?

— Целая, — ответила та.

— Вот и прекрасно. А книжку про старый Кобрин мне всё-таки покажите.

Фёдор вздохнул, но сдержал улыбку. Пока он искал нужную полку, Ольга убрала монеты обратно. Часы она тоже упаковала сама. Ни один предмет не остался у Ершова на хранении.

— Итак, — сказала она, — оценку получила, продавать не буду. С вашей стороны больше никаких обязательств?

— Со стороны моей — никаких, — ответил Фёдор. — Но если кто-то снова предложит украденную запонку, я лучше позвоню сначала вам.

— Мне, — уточнила Ольга. — Она моя.

Ольга взяла коробку и футляр. Пожилая покупательница тем временем обнаружила на воротнике пальто белую нитку и решила, что после нашего представления ей необходима скидка на книгу. Фёдор достал закладку с изображением старого Кобрина и положил её поверх обложки.

— За выдержку, — сказал он.

Женщина осталась довольна. Ольга подхватила сумку, а я придержал дверь. Фёдор окликнул нас с порога: если человек с запонкой вернётся, ему лучше увидеть за прилавком

только антиквара. Я согласился. Теперь Ершов сам собирался удержать свою лавку в руках, и мне оставалось не приводить сюда ещё одну толпу охотников за серебром.

Выйдя из магазина, я увидел возле своей машины Григория Важина. Он стоял под козырьком соседнего кафе, в тёмной куртке и с бумажным стаканчиком. Увидев меня, поднял руку. На лице было то выражение, с которым люди обычно ждут автобуса, заранее понимая, что тот придёт не по расписанию.

— Ты теперь следишь за антикварными лавками? — спросил я.

— За тобой. Звонил дважды. Ты не отвечал.

Я вынул телефон. Два пропущенных действительно были. В магазине я отключил звук, когда неизвестные пришли обсуждать цену чужой запонки.

— По делу? — уточнил я.

— У меня редко бывает свободный вечер, Артём. Пошли внутрь. На ветру говорить неудобно.

Он выбрал столик у окна, заказал себе ещё кофе, а мне — горячий чай. Я успел перехватить официанта и попросить картошку с мясом: после полноценной смены и вечернего выступления в «Второй полке» организм требовал обычных условий труда.

— У моего агентства новый клиент, — сказал Важин, когда мы сели. — Бригада ставила лавки и ограждения во дворах. Работу сделали, деньги получили частично. Остаток завис. Теперь подрядчик объясняет, что заказчик исчез и виноваты все вокруг.

— Очень популярная деловая традиция.

— У клиента на руках фотографии готовой работы и переписка о цене. Мне достаточно. Я поговорил с тем, кто остался должен. Он уверяет, что решает вопросы только через Максима Ратникова. Фамилию назвал сам. Я уточнил — тот самый подрядчик, который обещает городским дворам новую жизнь за счёт старых вещей.

Я отставил чай. Вчера люди Ратникова пытались вывезти часы без согласия Ольги; сегодня двое ломились к Фёдору с чужой запонкой. И всё это происходило при работающих кофейнях, магазинах и мастерских.

— Что тебе нужно от меня?

— Ты знаешь его в лицо. А я хочу понять, стоит ли назначать с ним встречу без лишних зрителей. Сколько у него людей, чем они занимаются в свободное от благоустройства время. Меня интересуют мои деньги для клиента. В твои клады я не собираюсь вкладываться.

— Со мной разговаривал вежливо. С работниками — как с пустыми стаканами. Приводил охранника, грузовик, тележку. Сегодня к антиквару прислал двоих, которые называли чужую запонку товаром.

Важин откинулся на спинку стула. Его взгляд на миг сделался острым и неприятно внимательным. Плотные пальцы перестали постукивать по стаканчику.

— Куда именно приходили?

Я назвал «Вторую полку» и коротко рассказал о разговоре. Важин слушал без уточнений и без желания броситься на улицу за людьми, которых там уже не было.

— Это усложняет встречу, — сказал он наконец. — Ещё час назад я считал Ратникова обычным человеком, который придумал десяток способов задержать оплату. Теперь вижу, что у него хватает средств на охрану и мелкую наглость.

— Считай, что ты получил бесплатный обзор. Я ещё не выставлял счёт.

— Ты получил деньги за часы?

— Восемнадцать тысяч. Ольга рассчиталась сегодня. Шесть тысяч вчера упустил по работе. Деньги за клад не превращают потерянный вечер в оплаченный.

— А ты любишь делать дорогое одолжение, — заметил Важин.

— Особенно когда никто не просил догонять курьера до аптеки.

Он едва улыбнулся. Подошёл официант с моей тарелкой, разговор ненадолго оборвался.

— Завтра попробую встретиться с Ратниковым, — сказал Важин. — По моему делу. Без твоей помощи. Если он заплатит, прекрасно. Если предложит расплатиться чужой собственностью, я ему объясню разницу.

— Только не забирай у Ольги то, что она уже удержала.

— Я умею отличать чужую вещь от чужого долга. Обычно это помогает в профессии.

Он поднялся первым, оставив деньги за кофе и мой ужин на столе. Я хотел возразить, но Важин остановил меня жестом.

— За разговор. И не считай это началом совместного предприятия.

— Тогда я хотя бы не буду вносить в устав название «Долги и погони».

— Устав переживёт. Ты — старайся тоже.

Важин ушёл. Я доел картошку и посмотрел в окно. Свой путь к Ратникову у него был, и ради моей запонки он его не менял.

Дома меня встретил запах подгоревшей гречки. Я остановился в прихожей и сразу понял, что Семён приготовил себе ужин с прежним выражением презрения к моей хозяйственности. В кухне горел свет. На плите стояла сковорода, а рядом на табурете — маленький сердитый хозяин квартиры.

— Наконец явился, — проворчал он. — У тебя в прихожей опять песок. Ты что, строишь у себя в ботинках новую улицу?

— В этот раз пыль из чужого двора. Дорого досталась.

— По виду — с доставкой по лицу.

Он поставил передо мной тарелку. Гречка действительно слегка подгорела, зато мясо было нарезано аккуратно, а ложка лежала там, где её обычно искал нормальный человек. Мне захотелось похвалить кулинара, но тот уже смотрел на мои ботинки с выражением оскорблённого домовладельца.

— Снимай и ставь на коврик. Ты вчера поздно пришёл, сегодня поздно. А я весь день слушал, как соседи сверху катают что-то тяжёлое.

— Может, стулья.

— Тогда пусть научат свои стулья ходить тихо.

Я поел, вымыл тарелку и пошёл за чистой рубашкой. Дверь кладовки находилась справа от кухни. Я открыл её и шагнул в собственную спальню, хотя пять секунд назад видел перед собой ведро и коробки со старыми книгами.

— Семён!

Из кухни донеслось удовлетворённое сопение.

— Чего орёшь? Стену разбудишь.

Я вернулся в коридор, открыл спальню и уставился на ведро. На полке лежали лампочки, над ними торчала швабра. Я захлопнул дверь, дёрнул следующую ручку и обнаружил собственную рубашку на спинке стула. Семён, мерзавец, устроил мне прогулку по квартире в поисках гардероба.

— Очень смешно, — сказал я.

— Ты бы видел, как со стороны выглядел. Шёл за рубашкой, а вышел с лицом человека, которому обещали отпуск и отправили мыть полы.

— Тебе надо выступать в клубе. Публика оценит.

— Публику убирать потом кто будет?

Он хмыкнул и перестал морочить мне голову. За дверью кладовки я снова увидел ведро и книги, за дверью спальни — кровать и шкаф. Семён умел раздражать с удивительной точностью. После Михея, с одинаковым удовольствием досаждавшего и мне, и грабителям, домашний скандал казался почти отдыхом.

Телефон зазвонил, когда я разложил чистую рубашку. На экране высветилась Марина. Я ответил и сел на край кровати.

— Живой? — спросила она вместо приветствия.

— Больше того. Сегодня получил деньги. Если бы вчерашний клиент видел меня сейчас, потребовал бы вернуть половину за товарный вид.

— Какая часть лица пострадала на этот раз?

— Та, которой я обычно улыбаюсь.

Она помолчала, потом спросила уже серьёзно:

— Артём, ты помнишь, о чём мы говорили на набережной?

— Что у тебя есть собственные решения. Помню. Завтра ты занята?

— У меня дела до вечера. Я сама скажу, когда освобожусь. И мне не нужен отчёт о каждой твоей драке. Мне нужно, чтобы ты не делал из них образ жизни.

— Хорошая программа. Попробую выполнить хотя бы первую часть.

Марина тихо засмеялась. Мы договорились созвониться на следующий вечер. Её прямота нравилась мне куда больше десятка вежливых фраз Ратникова.

Ольга позвонила почти сразу после Марины. Я решил, что она обнаружила недостающую монету или снова увидела серый грузовик у арки. Однако голос у неё был спокойный.

— Артём, мне только что звонила Вера Синицына. У неё ателье «Нить», недалеко от старого сквера. Мы знакомы много лет. Она услышала про наши часы и спросила, чем закончился вывоз.

— Счётами и ушибами. Вы ей сказали?

— Сказала, что вещи остались у меня. А Вера ответила: у её двора тоже крутятся люди с предложениями убрать старое железо. Сначала интересовались воротами, теперь требуют вывезти ещё что-то. Она уже отказала, но на этом история не кончилась.

За стеной Семён демонстративно кашлянул. Я прикрыл дверь спальни. Разговор о чужих дворах он ещё мог принять за повод проверить мои ботинки второй раз.

— Вера хочет со мной поговорить? — спросил я.

— Если вы согласны. Я дала ей ваш номер с разрешения, спросив сначала у неё. Она сама вам позвонит, если решит. Адрес ателье тоже могу прислать.

— Пришлите. Только я не обещаю копать у неё под ногами с порога. Пусть сначала расскажет, что там произошло и чего она сама хочет.

— Именно поэтому и звоню вам. Она человек упрямый. Своё ателье сохранила, когда вокруг все решили, что шить одежду больше некому. Не позволяйте никому принимать решения за неё.

— После вашего двора я уже выучил урок.

— Надеюсь. И ещё: я закрыла кофейню, монеты и часы на месте. Фёдор обещал мне цену на бумаге для семейных записей, но продавать я ничего не собираюсь. За вашу работу мы рассчитались. Если понадобится новая помощь, обсудим отдельно.

— Договорились. Хорошего вечера, Ольга Сергеевна.

На телефон пришёл адрес ателье «Нить». Я открыл карту, прикинул дорогу от мастерской и отправил Ольге короткое спасибо.

— Завтра после работы, — сказал я Семёну.

— В ателье? — Домовой глянул на мои брюки. — С тебя там начнут брать за моральный ущерб.

Я приготовил чистую рубашку. Домовой полез в прихожую, вернулся с моим ботинком и с грохотом поставил его передо мной. Из подошвы торчал кусочек проволоки, привезённый со вчерашней беготни. Он выдернул его, швырнул в пустое блюдце и потребовал впредь оставлять куски города на улице.

— Осталось попросить тебя гладить рубашки.

— Попроси. Я тебе один рукав разглажу, другой продам.

Я хмыкнул и записал адрес. Ольга уже рассчиталась, но запонка оставалась у людей Ратникова. Сегодня выяснилось, что Вере тоже настойчиво предлагают убрать железо. Весьма деятельный подрядчик: не успел закончиться скандал с одними часами, как его люди нашли себе новый двор.

Глава 8. Ворота ателье

Вера Синицына позвонила перед моей сменой так, будто находилась посреди боя. За её спиной стучали швейные машинки, кто-то спорил о размере рукава, а незнакомая женщина повторяла: «Сегодня вечером! Вы понимаете?»

— Понимаю пока только то, что меня опять хотят познакомить с неприятностями, — сказал я.

— У нас свадебное платье до вечера. Если хотите поглазеть на мой двор и его драгоценные ворота, приезжайте после шести. Сначала спасём заказ. И оденьтесь нормально: клиентка и без того нервничает.

Я спросил, что случилось с воротами. Вера ответила, что с них ночью содрали кованый цветок и оставили записку о «новых удобствах», а затем бросила трубку. До вечера предстояло провести смену и объяснить Жене, почему я проверяю телефон чаще, чем подкапотное пространство. Женя предложил поставить вместо моего звонка сирену и брать деньги за эвакуацию начальственных нервов.

К «Нити» я приехал, когда на часах было немного за шесть. Вывеска над входом перекосилась, однако внутри ателье происходила катастрофа куда важнее наружного благоустройства. Наташа, невеста с завтрашней свадьбой, стояла посреди зала в белом платье; длинный подол одним концом тянулся к манекену, другим зацепился за тяжёлую стойку. Две мастерицы осторожно освобождали ткань, а мать невесты держала коробку с фатой с таким видом, словно там лежали последние надежды семьи.

— Здравствуйте. Вы к кому? — спросила женщина с фатой.

— К человеку, который обещал показать мне ворота.

— Сейчас пусть он сперва дверь придержит! — распорядилась Вера из примерочной.

Я упёрся ладонью в створку. Потянувшаяся вслед за платьем тканевая лента вдруг обмотала дверную ручку. Никто её туда не бросал. Вера увидела, как я смотрю на ленту, одним движением отрезала её ножницами и подала Светлане.

— У нас свадьба завтра. Сегодня вечером отдаём платье. Господин с улицы может помочь, если вместо профессионального совета у него найдутся две свободные руки.

Две руки у меня нашлись. Я придерживал стойку, пока Светлана снимала с неё оборванный край. Невеста перестала плакать, заметив, что никто не собирается вызывать скорую помощь её наряду. Вера придвинула стол, разложила ткань и велела всем отойти, даже матери. Голос у неё был такой, что я без раздумий отошёл бы и от собственного автомобиля.

— Это наша работа, — сказала она. — Вы получите платье. Деньги обсуждать будем, если я нарушу обещание.

Женщина у зеркала выдохнула. Светлана подала новый кусок кружева, Миша метнулся к задней комнате за подходящей нитью. В этот момент из-за стеллажа тихо хихикнули. Мне показалась маленькая сгорбленная фигурка с влажной прядью у лица. Она исчезла прежде, чем кто-то из обычных людей успел обернуться.

— Кто у вас там живёт? — негромко спросил я.

— Работники, клиенты и неоплаченные счета, — отрезала Вера. — Других жильцов я ещё не согласовала.

О спасении заказа я узнал больше, чем о похищенном железном цветке. Вера закончила исправлять подол и дала Наташе пройти несколько шагов. Счастливая невеста разглядела шов, кивнула и почти бегом скрылась за ширмой переодеваться. Спустя четверть часа платье уже лежало в чехле в машине её матери. Наташа уехала готовиться к завтрашней свадьбе, а Вера проводила клиентку до крыльца и только потом повернулась ко мне. На её лице появилась усталость, которую она не позволяла видеть посетителям.

— Теперь можно заняться двором, — сказала Вера. — С платьем мы успели, а вот с железным цветком придётся разобраться до следующей смены. И если там сокровище, пусть ждёт, пока я обеспечу людям нормальный проход.

Вера забрала у Миши ключи, кивнула Светлане продолжать работу и открыла внутреннюю дверь. За стеклом горела вывеска пекарни; снаружи кто-то вёл велосипед и ругался на криво висящую табличку.

За мастерской находилась ещё одна стеклянная дверь. Через неё мы вышли в прямоугольный двор. Две стены занимали работающие помещения: со стороны ателье виднелись освещённые окна, напротив — вход в пекарню. От ворот в глубину шла широкая плиточная дорожка. По ней проходили люди с покупками, женщина вела ребёнка за руку, курьер катил велосипед, стараясь никого не задеть. У стены стояли деревянные скамейки, а возле старой клумбы росла сирень — густая, раскидистая, давно утратившая аккуратную форму.

— Двор наш, — сказала Вера. — Дом и участок достались от родителей. Проход всегда оставляли открытым днём: пекарне удобно, людям тоже. Ворота закрываем поздно вечером. Эти умники хотят убедить меня, что здесь всё надо вынести, закатать новой плиткой и поставить одинаковые решётки, как на парковке.

— Может, у них скидка на одинаковое?

— У них хороший аппетит на чужое. Скидку я не проверяла.

Ворота и правда заслуживали отдельного разговора. Две высокие кованые створки держались на массивных опорах. Между прутьями вились старые растительные узоры; кое-где поверхность потемнела, местами блестели натёртые ладонями участки. На левой створке зиял неправильный пустой просвет. Там недоставало целой части орнамента, вырезанной грубо и наспех. Под ней на плитке лежали мелкие чёрные крошки.

— Это тоже ночью? — спросил я.

— Пропажу заметила утром. Выглядит так, будто от ворот откусили кусок. В детстве там был железный цветок. Отец ещё шутил, что кованая сирень переживёт настоящую. А теперь настоящая стоит, железную сперли.

Я присел возле створки. Край отсутствующего украшения был светлее остального железа, на нём виднелись свежие задиры. В одной из них застрял клочок синтетической нитки. Я не стал трогать его: такой же цвет мог найтись на сотне курток в городе, а делать из каждой нитки объяснение чужой жадности было сомнительным развлечением.

— Металл увезти хотели весь? — уточнил я.

— Сначала предлагали заменить ворота бесплатно. Потом попросили продать их хоть за какую-нибудь сумму. А вчера стали спрашивать, где моя бабушка брала старые украшения для створок. Я сказала, что бабушка умела выбирать себе мужа. Вот и весь секрет.

Мимо нас прошёл мужчина с бумажным пакетом из пекарни. Он придержал створку ладонью, пожелал Вере доброго вечера и спокойно пошёл к скверу. Вера ответила ему по имени. Я оглядел двор ещё раз. Здесь не было заброшенного закоулка, куда можно безнаказанно пригнать грузовик. Люди ходили через ворота каждые несколько минут. Значит, ночные гости либо рассчитывали на наглость, либо знали, за какой вещью пришли.

— Я могу посмотреть место, где стоял цветок? — спросил я. — С земли. Без инструмента.

— Смотрите. Снимать ничего больше не позволю.

Я шагнул вдоль створки, чтобы оценить ширину повреждения. Под ногой хрустнула сухая веточка. За воротами на улице звякнул велосипедный звонок, из пекарни донеслось весёлое ругательство. А внутри двора вдруг стало тише. Я почувствовал этот провал звука раньше, чем заметил маленькую фигуру под скамейкой.

Там сидел крепкий низенький старик в пыльной жилетке. Голова у него была великовата для тела, борода торчала жёсткими клочьями. Он держал в руках полоску обломанной доски и

разглядывал меня так, будто решал, каким концом удобнее познакомить меня с доской. Обычные прохожие не обращали на него внимания. Значит, вечер обещал интересное продолжение.

— Ты чего прилип к железу? — прошипел старик. — Мало вам ночью было?

— Я здесь по приглашению хозяйки, — ответил я негромко.

— А вчера ваши тоже здоровались. Один даже сказал «разрешите». Потом оторвали цветок.

— Я цветы предпочитаю на месте.

— Врёшь складно.

— Как тебя зовут?

— Устим, — буркнул он. — Для своих. Тебе пока хватит и этого.

Пока Устим готовил очередную пакость, в ателье загрохотала швейная машинка. Мотор был выключен: я видел висящий возле розетки провод. По столу покатились деревянные катушки, срывая сантиметровую ленту. Следом из старой пристройки выскочила сгорбленная бабёнка с волосами, похожими на мокрую паклю. Ростом с первоклассницу, лицом — с обиженную старуху, которую забыли пригласить на собственные поминки.

Она стащила с манекена недошитый рукав и понеслась под столами. За нею потянулись нитки из раскрытой корзины. Посетительница у двери попыталась отступить, но каблук поймал петлю брошенного клубка. Платье на вешалке взметнулось ей на плечи. Женщина завизжала, уверенная, что её сейчас завернут в подарок без права возврата.

— Светлана, убери утюг! — скомандовала Вера. — Артём, держите стойку. А вы, милочка, перестаньте бороться с платьем: оно уже победило!

Я схватил качнувшуюся стойку. На пол посыпались катушки, одна больно стукнула меня по пальцам. Серая малышка вскочила на стол, дёрнула влажную косу и зашипела, будто рассерженный чайник. Из корзины поднялся настоящий клубок пряжи и разлетелся по полу вихрем. Несколько ниток на миг стянули шнурок моего ботинка с ножкой стула. Я едва не сел рядом с клиенткой.

Вера щёлкнула ножницами. Нитки лопнули. Светлана увела посетительницу в переднюю комнату, а хозяйка подхватила упавшее платье и мгновенно расправила складки.

— Скажите, — выдохнула гостья, — у вас эта услуга входит в цену?

— Только для тех, кто спорит о сроках, — ответила Вера. — Вам скидка за стойкость.

Кикимора обернулась на голос хозяйки. Один глаз у неё прикрывала мокрая чёлка, второй сверкнул из-под брови. Затем маленькая негодница спрыгнула со стола и юркнула в старую комнату, таща за собой незаконченную нитку.

Устим показался из-под скамьи и плюнул в пыль.

— Опять эта лохматая! Всю дорожку загаживает, — прошипел он. — Ещё один гость на мою голову.

Старик поднял своей доской горсть сухих листьев. Я заслонил лицо локтем, но бумажный стаканчик всё-таки ударил меня в плечо. У ворот женщина с ребёнком и велосипедист оказались возле самой скамьи. Я шагнул к ним, перехватив чужой взгляд на пыль, и показал свободное место у витрины.

Устим сердито стукнул доской по плитке. Я отступил к светлой стене, пропустил женщину с ребёнком и велосипедиста, а следом увидел, как сухие листья сползают обратно к скамье. Дворовой всё ещё разглядывал меня из-под кустов, будто решал, кому первому выставить счёт за беспорядок.

— Это кто устроил? — возмутился курьер, откашливаясь. — У вас там вентилятор в мусорке?

— Если найдёте выключатель, скажите хозяйке.

Он вывел велосипед, женщина с ребёнком прошла мимо пекарни. Вера подхватила корзину, которую толкнуло к дорожке. Устим при этом так сердито поглядел на оставшуюся у ног

рекламную листовку, что я поднял её и бросил в урну. Дворовой тут же показал на вторую. Вера сунула мне пустую корзину.

— Раз уж у вас такая хорошая зрительная память, соберите и остальное. У нас по средам уборка.

Так я заслужил первую оценку работы по благоустройству от дворового и хозяйки ателье одновременно.

Сухие листья поднялись вокруг ног. Я хотел подойти к скамейке и поговорить с этим упрямцем, однако вовремя вспомнил Михея из «Листвы». У таких хозяев было собственное представление о вежливости. Я шагнул назад, к освещённой площадке у стеклянной двери ателье. Лампы не уничтожали его силы, зато здесь было видно всю плитку и обоих прохожих, оставшихся во дворе. Стоило мне отойти от старых ворот, как плотная полоса мусора рассыпалась. Несколько листьев долетели до порога и осели у стены. На тротуар за воротами ничто не вылетело.

— Не я железо забирал, — сказал я старику, удерживая голос. — Ворота останутся у хозяйки, если она сама этого захочет. Не пытайся свалить ребёнка ради нашего разговора.

Он прищурился.

— Ты пришёл смотреть. Они тоже смотрели.

— Смотри на руки. У меня пустые.

Я разжал ладони. Старик покосился на них, втянул бороду и скрылся за скамейкой. Вера стояла рядом с корзиной и сердито стряхивала пыль с рукава. Она заметила, что я разговариваю с пустым местом, но спрашивать при всех не стала.

— Пойдёмте внутрь, — сказала она. — Мне тут скоро клиенты начнут приносить собственные метлы.

Мы вернулись в ателье. Мужчина в пиджаке уже сидел с расстёгнутым воротом и смотрел на телефон, пока мастер подшивала брюки. Вера попросила девушку за машинкой выйти на минуту и подмести у порога, а сама налила мне воды. Я выпил половину, прислонившись к подоконнику. Из открытой двери тянуло сладким запахом выпечки; двор снова наполнился обычными голосами.

— У вас там есть кто-то, кого обычные люди не замечают, — сказал я.

— Я заметила, как вы разговаривали со скамейкой. Хотела решить, стоит ли радоваться, что Ольга послала ко мне человека с такими способностями.

— Скамейка всего лишь удобная ширма. Дворовой. Зовут Устим. Похоже, он решил, что я из тех, кто трогает ворота по ночам.

— Значит, у нас два упрямых хозяина? — Вера поставила стакан на стол. — Отлично. Я хотя бы людей в своё помещение без мусора впускаю.

Я объяснил, что дворовой привязан к своему месту, способен поднять мусор и спутать привычный проход, но не понимает автоматически, кто прав. Обещать защиту от него было бы обманом. Вера слушала молча. Затем открыла дверь во двор и сказала достаточно громко:

— Эй, кто там у меня под лавкой живёт! Завтра утром я уберу сухие листья, как собиралась. А ты людей не трогай. Они сюда за платьями и хлебом ходят.

Из-под скамьи выкатился смятый бумажный шарик и застыл у порога. Вера прищурилась.

— Очень убедительный ответ.

— Видите, — сказал я, — к переговорам готов. Правда, пока считает ответным подарком мусор.

Вера усмехнулась впервые за вечер. Потом её улыбка исчезла: в витрине отразился человек, который стоял на тротуаре у сквера и смотрел прямо на нашу вывеску. Серый спортивный костюм, короткая стрижка. Мужчина поднял телефон, сделал снимок и ушёл к остановке. Я не

успел разглядеть лицо достаточно хорошо, чтобы уверенно назвать его человеком Ратникова. Вера проследила за ним взглядом.

— Они так весь день ходят, — сказала она. — Иногда стоят по двое. Я уже устала гадать, какие ещё вещи у меня объявят ненужными.

— А до ворот их что заинтересовало?

— Ворота были первыми. Пока не вспомнили про клумбу.

Она сказала это так, словно речь шла о совершенно обычной попытке купить чужую растительность. Я хотел уточнить, но зазвенел колокольчик над входом. На пороге появилась Марина с большой тканевой сумкой на плече. Волосы она собрала в хвост, на лице читалась усталость после собственного рабочего дня. Она увидела меня, остановилась и вопросительно подняла бровь.

— Артём? Ты почему здесь?

— Меня пригласили к воротам. А ты?

— Я обещала Вере зайти. Она утром позвонила мне насчёт ночных гостей. У нас с ней своя история, ещё с весны. И я заодно забираю платье.

— Какой удивительный город, — сказал я. — Все знакомы с владельцами дворов, кроме самих дворовых.

— Судя по твоей рубашке, один уже познакомился, — заметила Марина.

На плече у меня красовался грязный след от стаканчика. Вера неожиданно рассмеялась и ушла встречать следующую посетительницу. Марина подошла ближе, коснулась пальцами моего запястья. Её взгляд был внимательным, однако прежней привычки без спроса решать за меня я в нём не увидел.

— Тебя никто не заставлял сюда ехать? — спросила она.

— Нет. Вера позвонила сама. А тебя?

— Тоже нет. Знаешь, иногда люди исполняют обещания без команды главного героя.

— Слышал об этой странной практике. Похоже, пора перенимать.

Она хмыкнула. Я рассказал о дворовом и показал через стекло скамейку, за которой он исчез. Марина спросила, где находился мальчик, когда поднялась пыль, и убедилась, что никто не пострадал. Затем попросила меня подождать у витрины и прошла к Вере.

Их разговор я слышал лишь отчасти. Вера говорила о ночном грохоте и о том, что мастерицы теперь задерживаются у дверей, прежде чем идти к остановке. Марина ответила, что останется до закрытия, поможет закончить примерки и посидит с ней, пока ателье опустеет. Ещё предложила поговорить с постоянными клиентками, которые приходят вечером: никто из них не должен выяснять о чужих угрозах на пороге. Вера сначала отмахнулась, затем кивнула.

Когда они вернулись, Марина держала в руках своё бежевое платье, которое принесла на подгонку. Ткань была мягкой, с тонкой тёмной отделкой по краю. Я вовремя прикусил язык: обсуждать чужой вкус в одежде опаснее всего для человека, который уверен, что его мнение спрашивали.

— И что, совсем ничего не скажешь? — прищурилась Марина.

— Скажу, что ткань хорошая. Остальное доверяю специалистам.

— Ты стал подозрительно разумным.

— Только на людях.

Она передала платье Вере и пошла помогать с примеркой. Я остался у окна, откуда видел ворота и часть клумбы. Под сиренью лежали маленькие осыпавшиеся веточки. Куст был старый, с толстыми стволами, переплетёнными почти у самой земли. На дальнем краю клумбы желтела небольшая полоса сухой земли. До неё я пока не добирался. После разговоров с дворовым лезть в чужие корни без спроса казалось плохой идеей.

Вера подошла ко мне, когда посетительницы разошлись по примерочным.

— Вот эта сирень, — сказала она, показав в окно. — Её ещё отец посадил, когда я маленькая была. Весной весь двор пахнет. В прошлом месяце пришёл представитель Ратникова, предложил выкорчевать куст и посадить три маленьких. Потом появился другой, уже с грузовиком. Сегодня утром позвонили и сказали, что сирень надо убрать первой, пока не занялись воротами.

— Почему первой?

— Вот и я спросила. Мне объяснили, что корни могут испортить новую плитку. Я предложила им оставить старую. Они почему-то не обрадовались.

— Они называли срок?

— Хотели приехать завтра. Я сказала, что не пущу. Слышу про куст третий раз за несколько дней. Ворота их хотя бы можно продать по весу. А зачем взрослым людям так спешить с сиренью?

Я вспомнил часы Ольги. Их едва не увезли целиком, а теперь кто-то собирался выкорчевать сирень. Сходство настораживало. Я всмотрелся в клумбу: обычный кирпичный край кое-где уходил под корни. Из окна больше ничего разглядеть не удавалось.

— Можно выйти и осмотреть землю у куста? — спросил я. — Сначала глазами. Если замечу следы, трогать без вас не стану.

— Со мной можно. Без лопаты, без сорванных корней. И ничего не уносить. Я уже насмотрелась на людей, которые считали разрешением мою вежливость.

Мы вышли вдвоём. Марина осталась внутри с мастерицами. Во дворе стало просторнее: у пекарни закончилась очередь, последние прохожие торопились к скверу. Вера подвела меня к клумбе и остановилась рядом. Сирень пахла влажной древесиной и осенней землёй, хотя до весеннего цветения было далеко.

Я обошёл куст по плитке, не наступая на почву. В дальнем углу под ветвями лежало несколько свежих светлых крошек, совсем не похожих на тёмную землю вокруг. Может, их принесли на подошвах, а может, кто-то недавно копался под кустом. Самих крошек для вывода о тайнике было мало. Я присел, стараясь рассмотреть основание самого старого ствола. Вера стояла рядом и следила за моими руками.

Из-за скамейки высунулась знакомая голова. Дворовой смотрел на меня, вцепившись в край доски. На этот раз мусор остался на месте.

— Опять железо высматриваешь? — буркнул он.

— Сейчас смотрю землю. Вера разрешила. Можешь у неё спросить.

— Землю оставь, — сказал старик и исчез, не дожидаясь ответа.

Я поднялся. Дворовой мог защищать куст из привычки, из злости на чужаков или по причине, которой я не знал. Рассказывать Вере, что её сирень наверняка скрывает клад, было рано. Она сама ждала от меня точного ответа, а не красивой уверенности.

— Пока ничего обещать не стану, — сказал я. — Землю тут действительно стоит проверить. Утром, когда будет светло. Вы сами должны присутствовать.

— Я здесь к восьми, — ответила Вера. — Двор открываю, прежде чем приходят мастерицы. Можете явиться к началу работы. Осмотр разрешаю. Копать пока нельзя. Если увидите что-то серьёзное, решим вместе.

— Договорились. Я успею до своей смены.

Вера потрогала уцелевший железный узор ворот. В проёме прошёл поздний покупатель с тёплым хлебом. Дворовой следил за ним из-под скамьи без всякой злости. Значит, дело было в гостях, которые приходили брать, и в тех, кого он пока не отличал от них.

— Если этот ваш сосед снова поднимет мусор, — сказала Вера, — передайте ему: завтра у нас обычный рабочий день. Пусть выбирает время для скандала по расписанию.

— Попробую. Но предупреждаю: у дворовых с расписанием отношения сложные.

За стеклом Марина помахала Вере: последняя примерка закончилась. Хозяйка кивнула и пошла к ателье. Из ворот вся сирень была видна как на ладони. Завтра утром я проверю землю возле корней. Если Ратников ещё раз явится за кустом, придётся выяснить, что ему так понравилось.

Глава 9. Слишком дорогая сирень

Утром я приехал к «Нити» на четыре минуты раньше хозяйки и обнаружил, что город прекрасно обходится без моего руководства. Пекарня работала, курьер спорил с навигатором, а рыжий кот посреди тротуара вылизывал лапу с видом чиновника, принимающего граждан по предварительной записи. Рядом со старой сиренью пока никто не стоял. Это было единственное хорошее известие.

Я собирался проверить землю, успеть в мастерскую и провести хотя бы один день без драки. План выглядел красиво. Я уже подозревал, что у красоты в Кобрине короткий срок хранения.

Вера появилась с двумя тяжёлыми сумками и ключами на длинном тканевом шнурке. На ней было серое пальто, из-под которого выглядывал яркий шарф. Завидев меня, она кивнула, но сразу к сирени не повела. Сначала подняла с порога чей-то пустой стакан, расправила сбившийся коврик и открыла входную дверь ателье.

— Восемь утра, — сказала она. — Люди приходят работать, хлеб покупают, детей ведут. Если вы намерены устроить раскопки, придётся сперва научить лопату обходить клиентов.

— Лопату я сегодня не привёз. Вы же запретили.

— Приятно встретить мужчину, который запомнил ответ женщины с первого раза.

Она раздвинула створки кованых ворот. С улицы сразу потянулись первые покупатели пекарни. Мужчина в деловом пальто прошёл через двор, не замечая свежих царапин на железе. За ним женщина провела девочку с огромным школьным рюкзаком. Они поздоровались с Верой, и та назвала обеих по имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.